

Евгений Эс

НАЙТИ СЕБЯ СЕДОМ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Евгений Эс

Найти себя. Седой

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Эс Е.

Найти себя. Седой / Е. Эс — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Околонаучное фэнтези с элементами стимпанка. Говорят, что смерть - это начало... Студент Виктор Сомов сел в самолет, которому не суждено было приземлиться, и оказался в суровом мире меча, пара и магии. Не владея языком, не зная местных обычаев, без трудовых и военных навыков, не имея ни жилья, ни денег, Витя получает самый низший статус в новом обществе - статус раба. По иронии судьбы - раба с высшим физико-математическим образованием... В оформлении обложки использован рисунок автора.

© Эс Е., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Часть 1. Раб	6
Глава 1. Ужас на крыльях	6
Глава 2. Мертвые не потеют	15
Глава 3. Добро пожаловать в рабство	20
Глава 4. Попытки к бегству	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Эс

НАЙТИ СЕБЯ

КНИГА ПЕРВАЯ СЕДОЙ

Часть 1. Раб

Устройство было необычайно демократичным, ни о каком принуждении граждан не могло быть и речи (он несколько раз с особым ударением это подчеркнул), все были богаты и свободны от забот, и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов.

Понедельник начинается в субботу. Братья Стругацкие

Глава 1. Ужас на крыльях

Новенький маршрутный автобус, плавно покачиваясь с боку на бок, покрутился в запутанных дорожных петлях и, наконец, устало выдохнув пневматикой, остановился у модернистского аэропорта, сверкающего стеклянными куполами в лучах высокого летнего солнца. Студент Витя Сомов подхватил свои немудреные вещички, вывалился из душного автобуса и, влившись в ручеек людей, отягощенных сумками, баулами и гремящими чемоданами на колесах потек к входу в здание аэровокзала «Пулково-1».

Позади остались капризная погода, неудобная съемная квартира в северном городе, утомительная учеба и культурный отдых, по недоразумению называемый студенческими попойками. В прошлом безумная зубрежка, бессонные ночи перед сессиями и успешно оконченный второй курс физического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Теперь Сомов, не без гордости, мог представляться студентом третьего курса. А впереди его ждали: полет над облаками на европейском аэробусе, Черное море, встречи с друзьями детства, любимый родной дом и мама с папой, по которым он ужасно соскучился. Особенно по маме и ее вареникам с вишней.

Механические часы, недавний подарок отца (бесполезно было объяснять, что в век мобильных телефонов часы это анахронизм) на восемнадцатый день рождения, показывали три с мелочью после полудня и, до вылета домой, на рейс Санкт-Петербург-Сочи оставалось чуть меньше часа. Витя остановился недалеко от входа, где было место для курения, вытащил сигарету и с наслаждением затянулся. Жизнь была прекрасна, и абсолютно ничего не предвещало, что это была последняя сигарета в его жизни.

Студент огляделся и обратил внимание на стоящего рядом мужчину. Тот настолько сильно отличался своим внешним видом от остальных, что его невозможно было не заметить. На голове мужчины была повязана черная бандана с черепами, вызывающая ассоциацию с голливудскими пиратами. Прямо на голый торс был надет кожаный жилет с огромным количеством накладных карманов, кармашков и карманчиков, а черные джинсы были заправлены в берцы – последнее средство голодающих солдат, попавших в окружение. Увитые венами мощные мускулистые руки мужчины, говорили о знакомстве с тяжелым железом, и были испещрены страшными шрамами. С плеча смотрела синяя татуировка в виде глаза вписанного в семиугольную звезду, от которой вниз висла цепочка непонятных иероглифов. Совершенно разбойничью морду, лицом это вряд ли кто бы мог назвать, пересекал еще один длинный уродливый шрам, а глаза скрывали практически непрозрачные черные очки. Подозрительная личность, нечто среднее между пиратом, байкером и боевиком, курила сигару, пахнущую резким

ароматным дымом. На пальцах, сжимающих сигару сверкали драгоценными камнями элегантные печатки, единственная деталь, не вписывающаяся в облик злодея.

Виктор невольно засмотрелся на необычного персонажа. Человек со шрамом это заметил, буквально в два шага оказался вплотную с юношей, снял очки и сощурился, словно яркий свет причинял ему сильную боль. Сейчас их разделяло не больше метра, и они смотрели друг на друга в упор. Некий неуловимый момент, когда незнакомые люди, встретившись глазами, быстро отводят взгляд, был пропущен и перешел в ситуацию, когда первым опускает глаза тот, кто признает себя слабее духом. Виктор считал себя сильной личностью и продолжал смотреть, но и незнакомец в свою очередь не собирался отводить прищуренные темные глаза в сторону. Происходящее было необычно, крайне дискомфортно и больше походило на молчаливый вызов, брошенный друг другу.

– Мое имя Ной, – прервал игру «кто кого пересмотрит» мужчина.

Голос его под стать внешности оказался хриплым и сиплым. Он улыбнулся, к удивлению Виктора, достаточно дружелюбно. Вот только улыбка его совсем не располагала к себе, а напротив, отталкивала и устрасала двумя клыками в верхней челюсти.

– Витя, – от неожиданности Сомов даже поперхнулся, но откашлявшись, поправился нормальным голосом: – Виктор.

И воспользовавшись изменением обстановки, тут же потушил недокуренную еще сигарету, метнул ее в урну и поспешил внутрь аэровокзала, обрывая несостоявшийся и совершенно не нужный ему разговор.

– Ной! Не забудь! Меня зовут Ной! – донеслось ему в след.

И в этом хриплом выкрике отчетливо прозвучала нотка беспокойства.

– Сумасшедший какой-то, – пробормотал Витя, не оборачиваясь и торопливо удаляясь.

Внутри аэровокзала было тихо и малоллюдно. Молодая миловидная девушка, но не красавица, рефлекторно улыбнулась Виктору, быстро проверила билет, паспорт, выдала посадочный талон, бирку на багаж и напоследок еще раз одарила эрзац улыбкой. Ноутбук Сомов решил не сдавать, а взять с собой в самолет, чтобы было чем заняться в часы полета. Так что в багаж поехала только пузатая спортивная сумка, набитая вперемишку чистым и не совсем чистым бельем (ну а что вы хотели от студента?) и любимая гитара в жестком чехле, которую он не рискнул оставить в съемной квартире на все лето.

Внимательно рассмотрев посадочный талон, Виктор выяснил, что место у него 15А, а это значило, что полет он проведет у иллюминатора, рядом с крылом. Будет на что посмотреть. Это была приятная новость для вирпила или виртуального пилота, как называли себя любители пиксельного неба. Витя не был заядлым геймером, но позволял себе временами расслабиться от учебы и погонять на играх-авиасимуляторах, причем идентичных тем, на которых тренируются настоящие пилоты, если конечно не лукавила реклама игры. Он неплохо знал авиационные приборы, предупреждающие сигналы и уверенно владел управлением воздушного судна, начиная от планеров и заканчивая самым большегрузным самолетом в мире Ан-225. Теоретически конечно владел. Впрочем, тот же небезызвестный саксофонист Бил Клинтон, на вопрос умеет ли он летать, не моргнув глазом ответил: «Да, только взлетать и садиться не умею».

На пункте контроля безопасности скопилась небольшая, но вяло продвигающаяся очередь и Виктор пристроился ей в хвост, за пожилым седовласым мужчиной лет пятидесяти, с небольшим металлическим кейсом в руке и строгом дорогом костюме, явно сшитым на заказ. Не иначе, как крутой бизнесмен, решил Сомов, или высокопоставленный военный в штатском, вон как спину держит прямо, аж завидно от такой выправки. От нечего делать, студент принялся разглядывать и других своих случайных попутчиков. Большинство пассажиров, в пестрых и свободных одеждах, судя по всему, летело в Сочи отдыхать, наслаждаться южным солнцем и теплым морем. Кто-то с красивыми любовницами, кто-то с усталыми женами и

непослушными детьми, которые пребывали в постоянном броуновском движении. Пассажиры слегка суетились, переговаривались между собой и осматривались по сторонам.

И вдруг что-то изменилось. Словно кто-то повернул регулятор громкости против часовой стрелки, и разговоры стихли, а в наступившей тишине застучали метрономом звуки женских каблучков. Виктор заметил, как взоры всех устремились в одном направлении и тоже обернулся. Обернулся и замер. По залу ожидания, приближаясь к ним, шла женщина поразительной красоты. Настоящая блондинка. Скорее даже и не шла, а плавно шествовала, словно королева, высоко подняв голову, чуть покачивая бедрами, и укладывая каждый шаг в видимый только ей одной вектор. Блестящее оранжевое платье плотно облегало великолепное тело с узкой талией, оставляя открытыми предплечья, идеальные ноги чуть выше колен, верх очень высокой груди и шею, на которой холодным огнем сияло роскошное ожерелье. Вся она словно светилась изнутри и даже ее туфли на высоких каблуках сверкали стразами. Шаг за шагом она приближалась в полнейшей тишине, и только каблучки продолжали размеренно цокать по отполированному гранитному полу.

Незнакомка подошла и неожиданно остановилась прямо перед Сомовым. Она стояла так близко, что студент почувствовал тонкий пьянящий аромат ее духов, от которого сразу закружилась голова. Пахнет, словно ангел подумал Витя не в силах оторвать взгляд от ослепительной красавицы. Белые с легким янтарным отливом волосы пышным водопадом спадали на ее открытые плечи и парикмахер, наверное, превзошел самого себя, чтобы добиться такого эффекта. Изящный макияж, видимо и здесь постарался профессиональный стилист, подчеркивал изгиб чернокрылых бровей, тонкий хищный нос, чувственные перламутровые губы и ярко-голубые глаза. Никогда и нигде, ни в жизни, ни в кино, ни в интернете, Сомов не видел женщины прекраснее, чем та, что стояла сейчас в шаге от него. Она была заметно старше студента, но он затруднялся угадать ее возраст, может быть двадцать пять, а может быть далеко за тридцать. Разум осознавал только одно – эта женщина была нереально божественно красива, и сердце юноши лишь подтверждало это, исполняя аллегро в груди.

Виктор судорожно сглотнул, пытаясь избавиться от внезапной сухости во рту. Он ожидал вопроса прекрасной незнакомки, быть может, о номере рейса или еще о чем-нибудь, и уже заранее волновался, что не сумеет связно ответить. Но из ее уст прозвучал совсем не вопрос:

– Какой ты красивый мальчик, был, – произнесла незнакомка бархатным грудным голосом, от которого у бедного Вити прокатилась по телу дрожь, а затем уже совсем неожиданно протянула руку и нежно погладила ладонью его черные волосы, – Я буду ждать тебя, *мас геаран*.

От ласкового прикосновения Сомов окончательно потерял голову и лишь отчасти понял смысл сказанного. Не добавили ясности и несколько слов на незнакомом языке. Он стоял словно замороженный, но внутри у него все полыхало, а волны сильнейших эмоций захлестывали разум. Надо было бы как-то отреагировать, но Виктор лишь зачарованно смотрел и не мог ни пошевелиться, ни произнести что-нибудь вразумительное. А блондинка еле заметно улыбнулась чуть дрогнувшими уголками губ, грациозно повернулась и направилась к выходу. И только когда автоматические двери с тихим шипением закрылись за ее спиной, а все вокруг разом зашевелились и загомонили, только тогда Сомов, наконец, очнулся от наваждения. Оказалось, что очередь у пункта контроля безопасности поредела и нужно двигаться вперед.

Витя шумно вздохнул, похоже, он все это время даже не дышал и вытер взмокший лоб о плечо в футболке, а мокрые ладони о старенькие джинсы. Любопытные пассажиры, бросали на него короткие взгляды – женщины вопросительные, мужчины завистливые. А что тут ответить и чему завидовать, если он сам ничего не понял. Седовласый человек, стоящий в очереди перед ним повернулся и смотрел на Сомова разными глазами. Одним обычным карим, а другим темно-красным, словно переспелая вишня. Красный глаз?! Витя окончательно утратил способность удивляться.

– Ну вот и все, – задумчиво произнес разноглазый, бесперемонно и с каким-то жадным интересом разглядывая Виктора, – Ушла. Красивая женщина. За такую можно и против всего мира начать войну. Правда, парень?

Виктор опять вздохнул и лишь пожал плечами, дескать, ну что тут скажешь. Эйнштейн на его футболке тоже ничего не ответил, но всем любопытствующим злорадно показывал язык. В таком несколько смятенном состоянии студент добрался до рамки стационарного металлоискателя, где очередь неожиданно застопорилась и поднялся шум. При прохождении предполетного досмотра возникли проблемы у разноглазого бизнесмена. В его раскрытом кейсе обнаружили предмет размером с тарелку, походивший на непомерно раздувшуюся брошь, усыпанную белыми и красными кристаллами. Бизнесмен на повышенных тонах пояснял, что это уникальный экземпляр религиозного культа и никому не позволял прикасаться к реликвии. Однако необыкновенный объект на экране интроскопа показывал нечто, что вызывало подозрение и обоснованный интерес досматривающих инспекторов. К месту конфликта стали подтягиваться сотрудники служб авиационной безопасности, обеспокоенные разгоряченным пассажиром и, наличием предмета потенциально опасного для полета. Разноглазый продолжал настаивать, что он имеет право на провоз данного объекта, а инспекторы возражали, и дело шло к тому, что пассажира сейчас снимут с рейса. Это вывело бизнесмена из себя. Он зарычал, поднял кулаки и Сомов подумал, что сейчас, наверное, дело дойдет до рукоприкладства, а там до вызова полиции и применении спецсредств, но драки не произошло. Бизнесмен начал подходить к работникам аэропорта участвующим в конфликте, отзывая их как бы поговорить с глазу на глаз, гневно бормотал неразборчивые угрозы и бесперемонно чуть ли не тыкал указательным пальцем им в лица. После такого разговора тет-а-тет половина служащих аэропорта куда стремглав умчалась, а остальные один за другим пошли на уступки и, в конце концов, пропустили беспокойного пассажира вместе с его культовым предметом. Седовласый захлопнул крышку кейса и с непонятной фразой: «Я таких пачками делал», с надменным видом и чуть прихрамывая, покинул сектор досмотра. Работники службы безопасности после разговора с нахрапистым бизнесменом выглядели слегка пришибленными и растерянными.

Чем убедил их бизнесмен, Виктор как-то не уловил, поскольку был занят собственными мыслями. В голове его вертелся образ блондинки с небесными глазами, а в ушах до сих пор звучал ее бархатистый голос – «какой красивый мальчик». Ведь это она обо мне сказала, краснел от этих мыслей юноша. Подумалось, как это странно, что ему раньше никогда не нравились блондинки с голубыми глазами. Всю сознательную жизнь, как он себя помнил, идеалом его женщины была кареглазая брюнетка с большим бюстом и никак иначе. Начиная с детской платонической любви в школьные годы и заканчивая интрижками в университете, все избранницы Виктора были исключительно брюнетки. Правда, не всегда они были кареглазые, да и большой бюст нынче редкость, но это уже второстепенные детали. Блондинок он вообще не воспринимал, как женщин, с которыми у него могли бы быть отношения. Так почему же эта блондинка, антипод его мечты, в одно мгновение лишила вдруг покоя? Удивительно и непонятно.

Теперь, немного придя в себя и анализируя произошедшее, Сомову показались странными и нелогичными слова незнакомки, особенно та часть фразы, где она сказала, что он «был». Что значит был? Почему был, если он есть и никуда пропадать не собирался. И где она пообещала его ждать? В Санкт-Петербурге? И почему она вообще подошла именно к нему и что хотела сказать этими тремя короткими фразами? Ведь из услышанного он ничего не понял, кроме того, что красив. Юноша снова покраснел. Однако, как все это загадочно и необычно. Руки чесались взять телефон и с кем-нибудь поделиться историей о случившемся, но расскажи такое приятелям – ни один не поверит. И Витя, путаясь в собственных мыслях и чувствах, шагнул с пружинящего трапа в дверь самолета.

Рейс, на котором летел студент, имел только экономический класс обслуживания, а самолет Airbus A320 соответствующую экономии компоновку. Сомов, цепляясь за выставленные

локти пассажиров, протиснулся по узкому проходу между плотно расставленными рядами кресел к своему месту. Там его ждала пара неприятных сюрпризов. Во-первых, сидящий с краю прохода наглый седовласый бизнесмен с неприятным глазом, во-вторых, бритоголовый мужик спортивного крупногабаритного телосложения, устроившийся на его месте 15А рядом с иллюминатором. Виктор хотел было начать разборки по поводу места, но увидев, что стюардесса занята кем-то другим в начале салона, махнул рукой и обреченно плюхнулся между мужчинами посередине. От бизнесмена пахло дорогим парфюмом, от соседа слева несло кислым пивом. Сомов поерзал, устраиваясь удобнее в мягком кресле синего цвета, одним ухом прослушал по громкой связи приветствие экипажа и правила использования аварийно-спасательного оборудования самолета, отрегулировал ремень безопасности под себя, пристегнулся, и пристроил ноутбук на коленях. К взлету готов. Он чуточку волновался.

– Страшно? – с интересом спросил седовласый сосед.

– Нет, – покривил душой Виктор, стараясь выглядеть невозмутимым.

– А мне слегка не по себе, – честно признался сосед и туманно пояснил: – Столько лет прошло, а я до сих пор не могу забыть звук рвущегося металла.

– Самолет самый безопасный вид транспорта, – уверено с видом бывалого авиапассажира произнес Сомов расхожее утверждение.

Седовласый глянул на него насмешливо:

– Ну-ну.

Пиджак у соседа распахнулся и под ним на его груди блеснул какой-то орден. Все-таки военный, определился Виктор, но сразу же засомневался. С каких это пор военнослужащие стали носить награды на жилетке под пиджаком? Да и сам орден, увиденный мельком, студенту не был известен, хотя и имел отдаленную схожесть с орденом победы из-за обилия алмазов и рубинов. А затем Сомов разглядел еще одну чудную деталь, не вяжущуюся с респектабельным видом седовласого. На тыльной стороне кисти у него имелась нелепая татуировка. Прimitивный полукруг восходящего солнца с лучами, как у моряков прошлого столетия, а под ним изящная вязь из непонятных знаков, этакая модная надпись, какую любят себе делать всякого рода эпатажные знаменитости и которая в переводе с китайского зачастую оказывается полным бредом типа «Не кантовать». Станный дядька и все у него не как у людей, подумал о своем попутчике Сомов.

Почувствовалось малозаметное изменение давления воздуха, а значит, двери уже закрыли и салон загерметизирован. Пропорхали стюардессы, проверяя, все ли пассажиры и правильно ли пристегнуты ремнями безопасности. Красивые изящные девочки в приятных голубых униформах с бейджиками на груди, брюнетки. Однако, куда им до таинственной блондинки, вздохнул Витя. А самолет уже гудел, набирая силу, посвистывал двигателями и, чуть подрагивая на бетонных стыках, неторопливо выруливал на взлетную полосу. Там он задержался на несколько мгновений, напрягшись, словно спринтер перед стартом, взревел двигателями и помчался, разгоняясь вперед. Несколько десятков секунд юношу слегка потряхивало, глубоко вдавив перегрузкой в кресло, а затем вибрация исчезла, и он понял, что самолет уже в воздухе. Авиалайнер выполнил пару плавных поворотов, заметных по тому, как переместились тени от солнца внутри салона, забрался высоко над рваным белоснежным одеялом облаков и взял курс на южный город. Впереди было более трех часов полета на высоте десять тысяч метров.

С мелодичным звуком погасло световое табло «пристегнуть ремни». Витя расслабил ремень безопасности и вытянул ноги, насколько позволяло расстояние между сиденьями. Без особого интереса полистал специфические авиационные брошюры, находящиеся в спинке кресла и невольно прислушался к обрывкам ругани молодой пары в соседнем ряду.

– Дурак ты... достал уже... уйду к маме... сына заберу...

Чтобы не слушать чужие семейные разборки Сомов надел мини-наушники, включил ноутбук и запустил фильм, погрузившись в просмотр, и отключившись от действительности. Как раз к окончанию фильма стюардессы стали развозить на тележках обеды. К сожалению, обедом в эконом-классе называлась холодная булочка с тонким ломтиком ветчины и сыра, пакетик с вафлями и стаканчик сока, чтобы все это запить.

– Не густо, – вырвалось у проголодавшегося юноши, когда он увидел разносимую еду.

– Да уж, – поддержал его недовольный сосед бизнесмен, – это не Pizza Luis XIII за восемь тысяч евро, которую я ел на прошлой неделе в Салерно.

– Что же вы тогда не полетели бизнес-классом? – грубо спросил Витя, которого фанфаронство соседа слегка покорило.

– Или не купил свой собственный самолет? – в тон ему ответил разноглазый, – Легко. Но, увы, бывают обстоятельства которые сильнее нас, – он криво усмехнулся, – Однажды ты поймешь это так же отчетливо, как это сейчас понимаю я. Впрочем, кое-что исправить мы можем.

Он пощелкал пальцами, подзывая к себе стюардессу.

– Так, девочка, – обратился он к ней не терпящим возражений тоном и поднял указательный палец вверх, – Смотри сюда. Мне и моему юному другу два нормальных обеда. Если лишних нет, можешь забрать их у пилотов. Выполняй.

Бизнесмен повернулся к Сомову и весело подмигнул ему вишневым глазом.

Витя ожидал, что «девочка» сейчас вежливо объяснит невозможность выполнения просьбы обнаглевшего пассажира, но к его изумлению, стюардесса безропотно удалилась, а уже через минуту на откидном столике перед ним стоял роскошный и даже разогретый обед. Гуляш с картофелем, морковью и зеленым горошком, отдельно овощной салат, запеканка и сдобная булочка, а на десерт маленькая упаковка йогурта и шоколадка. Все выглядело очень аппетитно и превосходно пахло. О деньгах за непредусмотренный обед стюардесса даже не заикнулась. Молча принесла, поставила и занялась другими пассажирами. Где она это взяла? У Виктора промелькнуло видение лица изумленного пилота, рассматривающего булочку с ветчиной на обед.

– Совсем другое дело, – довольно пророкотал бизнесмен, – Ешь, студент.

– Ну что вы, – смущенно обратился Витя к соседу, чувствуя себя несколько неловко, – Спасибо конечно большое, но, наверное, не стоило.

Сосед оторвался от еды и уже без всякого веселья в разных глазах совершенно серьезно и медленно произнес:

– Ты ешь, студент, ешь. Кто знает, когда в следующий раз удастся нормально пообедать.

Под завистливым взглядом бритоголового Сомов быстро управился с действительно вкусной едой и еще раз поблагодарил седовласого. Тот после сытного обеда подобрел и неожиданно разговорился:

– Вчера прилетел из Тайланда. Экзотическая страна, экзотические блюда. На обед подавали жаренных насекомых – кузнечики, тараканы там всякие. Умеют они их готовить, ничего не скажешь, никогда таких вкусных не ел. Между прочим, ООН всерьез рекомендует употреблять насекомых в пищу. Насекомые распространены повсеместно и практически все съедобны. Избегать следуют только любителей навоза и ядовитых, тех, что с яркой, предупреждающей окраской. Ты это запомни, студент.

– Я запомню, – вежливо улыбнулся Сомов и похвастал: – А мы с друзьями тоже любим путешествовать. Этим летом вот собираемся в пещеру под водопадом «Глубокий яр».

– Ну-ну – иронично отреагировал седовласый на планы студента и притворно вздохнул: – Когда-то и меня вела дорога приключений. А потом мне прострелили колено.

И он рассмеялся хриплым колючим смехом, в котором не было никакого веселья, но отчетливо слышалась злоба и боль. После этого странный разноглазый сосед замолчал и отвер-

нулся, а Сомов, посчитав, что беседа закончена, поднялся с места. Он сходил на краткий осмотр летного туалета и вернулся к ноутбуку. Второй фильм как-то не пошел, и Сомов принялся просматривать сохраненные ранее новостные сайты. Среди прочих новостей он наткнулся и на эту:

«В США разыскивается подозреваемый в смерти Джеймса Ранди. Американский иллюзионист и научный скептик, известный разоблачитель паранормальных явлений и псевдонаучных теорий Джеймс Ранди трагически погиб во время шоу по разоблачению очередного претендента на миллион долларов. При демонстрации сверхъестественных способностей между претендентом на миллион долларов и Джеймсом Ранди, на глазах у сотен зрителей разгорелся конфликт. Ранди впервые не смог объяснить способ, которым претендент, по его выражению «дурачит публику» и категорично заявил, что вознаграждение претендент не получит. Претендент обвинил знаменитого разоблачителя в мошенничестве и пригрозил, что он увидит сейчас магию последний раз в своей жизни. После этих слов Джеймс Ранди почувствовал себя плохо, упал прямо на сцене и скончался до приезда службы спасения. Претендент на награду фонда Ранди в миллион долларов скрылся и его место нахождения в настоящий момент неизвестно. Представитель полиции заявил, что они рассматривают смерть знаменитого иллюзиониста, как подозрительную и обращаются к жителям штата с просьбой сообщать любую имеющуюся информацию».

К статье прилагались две фотографии. Одна благообразного седого старичка Джеймса Ранди. Вторая предполагаемого злоумышленника, на которой был изображен хмурого вида мужчина со шрамом через все лицо. На голове у него был короткий ежик светлых волос, и не было черной банданы с черепами, но это был именно тот подозрительный тип, с которым Сомов столкнулся в аэропорту несколько часов тому назад. Ной – так он себя назвал.

Взбудораженный Виктор чуть ли не подпрыгнул в кресле и завертел головой – с кем бы поделиться этой новостью? Но спортсмен сладко посапывал, пуская слюну, а бизнесмен был мрачен, раздраженно поглядывал на часы и нервно барабанил пальцами по металлическому кейсу. Обращаться к нему не хотелось.

И пока Сомов раздумывал что делать, самолет основательно тряхнуло. А затем тряхнуло еще раз. По неприятным ощущениям внизу живота стало понятно, что летательный аппарат на десятки метров просел вниз. Напуганные дети, бегающие до этого по проходу, бросились к своим родителям. На табло зажглась запоздалая надпись: «Пристегните ремни». Виктор занервничал, захлопнул крышку ноутбука и потуже затянул ремень безопасности. Минуту другую ничего не происходило, и Сомов перевел дух. Но стоило ему успокоиться, как снова возникла жестокая тряска и гораздо сильнее, чем предыдущая. Послышались устрашающе громкий скрип и треск пластиковых панелей. От очередного мощного толчка распахнулось несколько багажных полок и из них посыпались вещи, падая в проход и на головы пассажиров. А самолет, не переставая сотрясаться, стал, как бы нехотя заваливаться на одно крыло. Этого не должно быть, встревоженно подумал Виктор, наблюдая за все увеличивающимся креном, нельзя превышать критический угол атаки, а то так и до сваливания недалеко. И как только юноша об этом подумал, самолет сорвался с потока и провалился вниз. Тело Сомова испытало непривычное состояние невесомости. Совершенно жуткое непередаваемое чувство бесконечного падения, которое никак не заканчивалось. Нечто подобное он испытывал всего один раз, когда прыгал с вышки в бассейне. Но там это длилось не дольше секунды, а здесь он все падал, падал и падал. Комок подкатил к горлу, внизу живота разлилась неприятная пустота, и закололо пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники. Салон охватила полнейшая паника. Пронзительно визжали женщины, орали мужчины. Было видно, как подскакивают вверх люди, ударяясь о потолок. Спящего рядом спортсмена подбросило так, что он бритой головой пробил декоративную пластиковую обшивку потолка и ошарашенный рухнул обратно в кресло. Несколько человек, те, кто оказались не пристегнутыми, кувyrкаясь, с воплями

летали по салону. Все незакрепленные предметы поднялись в воздух, и беспорядочно носились внутри самолета, сталкиваясь друг с другом и несчастными пассажирами. Сомов схватил улетающий ноутбук и безумным взглядом проводил проплывающий над головой пластиковый стаканчик и его содержимое в виде разлетающихся во все стороны больших и маленьких шариков. Вокруг носились буклеты, мелкий мусор, откуда-то взявшиеся болты, гайки, шурупы. Увидев их, юноша не на шутку перепугался – неужели разваливаемся? Болтам и шурупам полагалось быть закрученными, а не летать где попало.

Затем студент почувствовал, как его тело вновь наливается весом, а парящие в воздухе люди и предметы одновременно грохнулись на пол. На смену невесомости пришли многократные перегрузки, и Виктора расплющило в кресле. Самолет, вибрируя всем корпусом и с натугой ревя двигателями, выходил из пикирования. Экипаж с огромным трудом справился с проблемой падения, и воздушное судно, взятое под контроль, перешло в горизонтальный полет. Самолет все еще продолжало раскачивать, и он непрерывно дрожал, словно больной лихорадкой, но по крайней мере они уже не падали. Крики прекратились и сменились стонами раненых и плачем детей. Кого-то безудержно тошнило. Повсюду слышались встревоженные голоса людей, но приглушенные, словно люди боялись громко разговаривать.

– Что случилось? Что происходит?

Пассажиры тяжело дышали и беспокойно озирались по сторонам. На их лицах по-прежнему оставался отпечаток страха после только что пережитого кошмара.

Появилась растрепанная стюардесса и попыталась успокоить публику:

– Не стоит волноваться. Самолет попал в турбулентную зону. Мы скоро приземлимся.

Вот только в словах ее совсем не было уверенности, а вид был испуганный. Она принялась оказывать пострадавшим первую помощь, но руки у нее заметно дрожали. Можно было ни о чем не спрашивать, и так было понятно, что стюардесса сама находится в отчаянии, хотя и пытается добросовестно выполнять свои обязанности.

Бритоголовый сосед Виктора отпрянул от иллюминатора, звучно сглотнул слюну и молча показал большим пальцем в окно. Сомов наклонился через его плечо к иллюминатору и увидел, что у крыла отсутствует винглет, а место отрыва напоминает размочаленное дерево с торчащими обрывками внутренних конструкций, трубок и проводов, бешено трепещущих в потоке набегающего воздуха.

Виктору стало совсем нехорошо. Он оглянулся на соседа справа. Седовласый бизнесмен держался уверенно и был, пожалуй, единственным спокойным человеком. Он не обращал внимания на окружающих, а сосредоточенно смотрел на циферблат часов, словно чего-то ждал.

– Вы не знаете, как долго еще до посадки? – с надеждой спросил его Виктор.

Тот ответил долгим пристальным взглядом, словно раздумывая, стоит отвечать или нет. Страшный его глаз уже совсем не напоминал вишню, а казался налитым темной венозной кровью.

– Мужайся, студент, посадки не будет, – абсолютно уверенно заявил он, – Но хуже всего то, что это только начало. А у нашей истории очень плохое начало.

И словно подтверждая прогноз разноглазого, появился запах горелой изоляции, а по потолку вдоль багажного отсека пополз еле заметный дым. Ненадолго задремавшая паника начала опять овладевать пассажирами.

– Не хочу! Не хочу! – послышался чей-то отчаянный крик.

Один пассажир вскочил со своего места и стал прорываться в хвост самолета. Он бормотал, что в хвосте находиться безопаснее, требовал выдать один из парашютов и совал стюардессам деньги, которые падали на пол, разлетались по ковровой дорожке и забивались под кресла. Однако на рассыпанные под ногами банкноты никто не обращал внимания.

– Mamochka, я не хочу умирать, – заплакал в соседнем ряду совсем маленький мальчик.

Мать прижала к себе рыдающего ребенка и обвила его обеими руками, словно птица, которая пытается прикрыть крыльями своего птенца от опасности. В глазах ее застыл неопи-суемый ужас.

– Все будет хорошо, – как заведенная повторяла она безжизненным голосом, целуя его в голову, – все будет хорошо...

Рядом с ней пожилой мужчина закатил глаза, крестился и что-то шептал, видимо читал молитву, время от времени касаясь губами нательного крестика на цепочке. Одни пассажиры лихорадочно нажимали кнопки мобильных телефонов, безуспешно пытаясь сделать последний и самый важный звонок в своей жизни. Другие лихорадочно писали предсмертные записки на листочках, буклетах, гигиенических пакетах, на всем, что попадалось под руку, и что можно было бы положить в карман ближе к сердцу. А молодые мужчина и женщина, которые до этого сильно ругались, сейчас держались за руки и молча смотрели друг на друга.

– Прощай, друг, – впервые заговорил с Витей бритоголовый сосед глядя на него мерт-выми стеклянными глазами, – прости за все.

Он протянул юноше большую потную ладонь, которую тот автоматически пожал.

Сам Сомов впал в ступор. Он врос в кресло, не делал никаких движений, ничего не гово-рил, а то, что творилось вокруг, казалось ему нереальным. Никакой прожитой жизни перед его глазами не проносилось. Только одна мысль билась в парализованном страхе мозгу – неужели это конец? Смириться с этим было невозможно. Он подумал о родственниках, о маме с папой. Как они перенесут его смерть? На глаза навернулись слезы, и захотелось заплакать, как тот маленький ребенок.

Неожиданно сосед бизнесмен страшно зарычал, распахнул свой кейс, с которым до этого не расставался ни на минуту и вытащил сверкающий кристаллами предмет культа.

– Держи! – он безапелляционно сунул Виктору этот предмет в руки и пригрозил: – И не вздумай отпускать, чтобы ни происходило! В это вложено средств больше, чем в американскую лунную программу. Держи изо всех сил!

Сосед отвернулся и со злостью забормотал что-то тихое и неразборчивое, а его пальцы стремительно зашевелились, словно лапы паука опутывающего жертву. Возможно, от страха он тоже сошел с ума, но только по-своему.

Салон все сильнее и сильнее заполнялся едким раздражающим дымом. Пассажиры начи-нали кашлять и прикрывать лица платками. Сверху с шумом выпали и повисли, болтаясь на веревочках, прозрачные кислородные маски. А затем раздалось несколько ударов, от которых вздрогнуло все судно, и послышались звонкие щелчки, словно по корпусу стали бить пули (это вылетали заклепки из обшивки). Самолет задергался в предсмертной агонии и под душеразди-рающий треск рвущегося металла опрокинулся на одно крыло и камнем рухнул вниз в окон-чательном неконтролируемом падении.

И снова поднялись в воздух предметы, и вспугнутыми бабочками заметались по салону серо-зеленые стодолларовые банкноты, и вновь авиалайнер заполнился отчаянными криками людей. Это было похоже на жуткий хор апокалипсиса, состоящий из полторы сотни вопящих голосов дирижируемых ужасом. Самолет вошел в неуправляемый штопор, и солнце бешено закрутилось вокруг воздушного судна, мелькая стробоскопом в иллюминаторах то с одного, то с другого борта. Сомов и представить себе не мог такого ледящего страха, который его сковал. Не хватало воздуха для дыхания, сердце бешено колотилось, пытаясь выпрыгнуть из грудной клетки, а волосы по всему телу встали дыбом. Секунды кошмарного падения казались вечностью, и каждое мгновение было наполнено невыносимым ужасом и беспредельным отча-янием.

И в этот момент, сквозь безумные крики пассажиров, вой надрывающихся двигателей, и скрежет разрушающихся конструкций Сомов услышал из кабины пилотов знакомую ему по авиасимуляторам фразу электронной системы предупреждения о столкновении с землей. Ава-

рийная система, не замолкая повторяла тревожный сигнал – отрывистые звонки и два слова на английском: «pull up», то есть «тяни вверх». Автомат, надрываясь буквально вопил:

– Pull up! Дзинь-дзинь! Pull up! Дзинь-дзинь! Pull up!

Виктор понял, что это последние мгновения его жизни.

И мир вокруг взорвался безмолвной черной вспышкой.

Глава 2. Мертвые не потеют

Сомов неподвижно лежал на земле, уткнувшись лицом в траву и закрыв глаза. Озорные травинки упирались ему прямо в нос и приятно щекотали. Легкий ненавязчивый ветерок изредка шевелил волосы на макушке, а спину и затылок пригревало солнце. Виктор бездумно слушал, как стрекочут вокруг кузнечики, и с наслаждением вдыхал дурманивший аромат полевых трав и цветов. В благоухание растений неожиданно вклинился неуместный здесь запах окалины. Безмятежность исчезла, как только студент вспомнил пережитую авиакатастрофу. Он вздрогнул, сел, открыл глаза и испытал чувство огромного невыразимого облегчения от того, что каким-то чудом остался жив. Радость, восторг и ликование захлестнули его так сильно, что атеист Сомов прослезился и поднял счастливый благодарный взгляд к лазурному небу. Он был близок к тому, чтобы уверовать в бога.

– Спасибо, Господи, – прошептал он и впервые в жизни неумело перекрестился слева направо.

Витя вытер мокрые глаза и увидел перед собой сумку с ноутбуком на примятой траве, а в метре от нее черный выгоревший круг. В черном пятне среди саж и пепла, которые понемногу уносил ветер, застыли капли расплавленного металла. По форме и размеру это несомненно были остатки того самого предмета культа, который принадлежал разноглазому пассажиру из самолета. Что за чертовщина? Витя с опаской покосился на выжженное пятно, от которого все еще шел жар, а вокруг пожухла и завяла трава. С богом это уже как-то не ассоциировалось.

Озадаченный студент привычно похлопал себя по карманам джинсов в поисках пачки сигарет и запоздало вспомнил, что отправил сигареты вместе с зажигалкой в багаж. Виктор, давая волю чувствам выругался. Но привычные поиски сигарет повлекли за собой привычные мысли и направили их в нужное русло. Телефон, сообразил юноша, нужно первым делом проверить работает ли сотовая связь.

«Поиск сети», – обнадежила всплывшая на экране надпись, и пока Сомов решал, куда звонить в первую очередь – родным или в службу спасения, новая надпись лишила его выбора: «Сеть не обнаружена».

– Облом, – огорченно вздохнул Витя, – И что же дальше?

Впервые Сомов внимательно осмотрелся по сторонам. Он находился на бескрайней цветущей равнине с разбросанными по ней редкими пологими холмами. Местность была покрыта высокой травой, одинокими кустарниками и деревьями, которые вдали разрастались в полноценный лес, а где-то на горизонте маячили миражами размытые силуэты гор. В окружающем умиротворенном пейзаже не присутствовало признаков деятельности человека, а в пределах видимости не наблюдалось никаких следов авиакатастрофы. Ни обломков воздушного судна, ни других выживших пассажиров.

– Где же все остальные? – беспокойно озираясь, пробормотал Витя, – Что за попадос такой?

Он судорожно сглотнул. Происходящее было настолько непонятным и нелогичным, что на какое-то время студент вообще перестал соображать. Но надо было что-то делать, и Сомов усилием воли взял себя в руки. Он принял решение, направиться на поиски людей, не дожидая-

ясь появления спасателей. Необходимо было, как можно скорее выйти к людям, а не то родители с ума сойдут, когда узнают о крушении самолета, а от их сына него не будет известий.

Направление он особо не выбирал и просто двинулся в ту сторону, куда глаза глядели. Солнце пекло нещадно. Редкие облачка проплывали далеко стороной, а то и вовсе бесследно растворялись в ярко-голубом небе. Температура поднялась градусов под сорок, и студент снял майку, чтобы прикрыть ей голову. Очень хотелось пить. В натруженных горячих ногах появилась усталость, но несмотря ни на что Сомов упрямо двигался вперед. Вдруг среди гладкого дикого поля показалась примятая трава, словно здесь кто-то недавно прошел. Витя двинулся по следу и вскоре вышел к черному выжженному кругу с остатками расплавленного артефакта.

– Пипец! – с отчаянием ругнулся Сомов, – Приехали!

Совершенно расстроенный он доковылял до ближайшего деревца и упал в рваную тень от листвы. Студент попытался собраться с мыслями и успокоиться, но внутри него начало нарастать беспокойство. Он не только три часа впустую ходил по кругу, но за это время так и не появились спасатели. Юноша в очередной раз посмотрел на небо в надежде увидеть вертолет или самолет спасательной службы, но голубое пространство над головой было идеально чистым, даже без вездесущих инверсионных полос высоколетящих лайнеров. Это было крайне необычно. Почему нет ни дорог, ни линий ЛЭП? В какую глушь он угодил? И совсем зловещим открытием явилось то, что часы показывали девять часов вечера, а судя по солнцу, которое гуляло где-то в зените, этого никак быть не могло. Сомов включил телефон и убедился, что на нем тоже двадцать один час. Разум, учитывая время вылета, продолжительность полета и хождение по кругу говорил, что часы идут точно, а глаза утверждали обратное. У Вити возникло ощущение, что он сходит с ума и даже мелькнула мысль, что он все-таки умер не пережив катастрофу, но его тут же отрезвил холодный пот, выступивший бисером на лбу – мертвые не потеют.

Теперь Сомов действовал умнее и строго придерживался ориентира – самого высокого холма. Была слабая надежда что, там, на возвышенности может работать сотовая связь. До захода солнца, но совершенно без сил и мучимый жаждой он взобрался-таки на намеченный холм. Связи не было.

Устроившись на ночлег, студент с предчувствием беды смотрел на темнеющее небо, в котором медленно проявлялись звезды. Привычная желтая луна с темными пятнами кратеров и пара знакомых созвездий Большой медведицы и Лебедя, единственные, что он знал, принесли некоторое успокоение. Чего греха таить, весь день его не отпускала сидевшая на задворках сознания жуткая мысль, что очнувшись он после авиакатастрофы не совсем в своем мире, а может быть даже в загробном. Ведь никто не знает, как выглядит загробный мир, если такой существует.

Спал юноша беспокойно, урывками, скорее даже не спал, а лишь дремал, часто и беспричинно приходя в сознание. В прерывистый сон внесли свою лепту комары и боль от сторевших на солнце плеч. Вместе с ночью пришла прохлада, а под утро от холода и вовсе стало не до сна. Чтобы согреться пришлось вставать, ходить, приседать и растирать расчесанные от укусов насекомых руки в волдырях. Состояние у него было подавленным. То дневной жар, то ночной холод оптимизма не добавляли.

С первыми лучами солнца, наслаждаясь теплом, которое скоро должно было смениться солнцепеком, Виктор пошел дальше. Нарастающая жажда сменила приоритеты, и теперь своей целью он выбрал далекую лесную полосу. Там, где есть бурная растительность, должна быть и вода, трезво рассудил студент. Пить хотелось просто безумно.

К полудню он совершенно вымотался. От обезвоживания организма появилась слабость, мысли путались, перед глазами плавали круги, а стрекот кузнечиков превратился в оглушительный непрекращающийся звон в ушах. Двигаясь на автомате, Витя добрал до леса и вышел к мелкому водоему, заросшему кувшинками и водорослями. Вспыхнувшая было радость, ока-

залась преждевременной. Стоячая вода, покрытая тиной, была почти непрозрачной и явно не годилась для питья. Скорее это было болото, чем озеро и соответствующе пахло. Несмотря на безудержное желание напиться, осторожность взяла верх. Сомов точно знал, что пить стоячую воду полную паразитов это был верный шанс подхватить смертельную болезнь. Но можно было охладиться и юноша, распугивая лягушек и проваливаясь в ил, полез в водоем. Он долго плескался и поливал голову, пока не появилась некоторая ясность ума, а потом выбрался из воды и заполз в тень, под кроны деревьев. И тут ему неожиданно повезло. Словно маленькое сердечко в пупырышках, знакомая красная ягода выглянула из-под травы. Землянику ни с чем невозможно перепутать, а когда она лопнула у него во рту, растекаясь влагой и сладостью, юноша даже застонал от наслаждения. Земляники было много, и следующий час он азартно ползал в траве, забыв обо всем на свете. Появились новые силы и теперь держаться рядом с бесполезным водоемом Сомов посчитал излишним. Он двинулся вдоль кромки леса, не забывая наклоняться и подбирать спасительные ягоды. В какой-то момент прямо из-под ног у него выскочил бешеный заяц и в несколько прыжков затерялся в зарослях. Если бы юноша не растерялся то, наверное, смог бы даже схватить животное за уши и поймать, но от неожиданности Витя испугался больше самого зайца. Студент проводил длинноухого плотоядным взглядом, а потом раздраженно посмотрел на пустынное небо. Однако прошли уже целые сутки и где же эти чертовы спасатели?

Силуэт человека верхом на лошади он увидел, когда начало смеркаться. Виктор пришел в крайнее возбуждение, истоптленно заорал во все горло и, размахивая руками, помчался наперерез всаднику. Отчаянные крики студента вскоре были услышаны, и наездник остановился. Однако он вовсе не торопился на помощь, а просто стоял на месте. Мелькнуло несколько бликов в лучах заходящего солнца, словно незнакомец рассматривал студента в бинокль. Насмотревшись, всадник круто развернул лошадь и помчался прочь, оставляя за собой облако пыли.

– Эй! – закричал опешивший Витя, – Эй! Стой!

Он бросился вдогонку, не переставая надсадно орать, и бежал до тех пор, пока в изнеможении не упал на колени.

– Да что же это такое происходит? – прошептал пораженный юноша и со злостью ударил кулаками в сухую землю, – Да что же это такое?!

Сомов силился понять, почему встреченный им человек отказался ему помочь и бросил в беде, но не понимал этого. И снова Виктору оставалось надеяться только на свои силы. Он запомнил примерное направление, куда ускакал бессердечный всадник, чтобы завтра отправиться по его следам и выбраться, наконец, к людям. Сейчас же нужно было приготовиться ко второму нелегкому ночлегу. Небо багровело в предзакатных лучах солнца, а лес стал непроглядно-черным, угнетающим, и идти в него было страшно. Если водятся зайцы, то могут быть и медведи, запоздало сообразил юноша. Спасаясь от хищников и холода, он предпринял жалкую попытку разжечь огонь с помощью аккумулятора мобильного телефона. Что-то подобное он видел в передачах о выживании в дикой природе, но то ли он плохо запомнил такой способ получения огня, то ли что-то не правильно делал, но итогом его усилий стали полностью раскуроченные и ни на что больше непригодные обломки телефона. С раздражением Виктор зашвырнул их далеко в степь.

– Провались оно все пропадом!

Вторая ночь отличалась от первой большим количеством безжалостных комаров и навоевавшими ужас звуками, доносившимися из леса. Услышав крик ночной птицы или треск сломанного сучка, юноша вздрагивал, и сразу открывал глаза. Кто там может ходить? С испугом он вглядывался в непроницаемый мрак леса, и ему чудилось, что оттуда за ним тоже наблюдают голодные глаза зверя. Тогда он еще крепче сжимал короткую палку, приготовленную для незадавшегося костра, которая вряд ли бы помогла, в случае возникновения реальной опасности, но при потенциальной угрозе придавала уверенности.

С рассветом развеялись и ночные страхи. Вдоль леса стелилась густая пелена тумана. Было холодно и сыро, но зато на листьях лежала обильная роса. Виктор воспользовался моментом и, ползая на четвереньках, стал жадно слизывать с листьев драгоценные капельки. Он полностью вымок, замерз до дрожи, но впервые за два дня более или менее смог утолить жажду. Под лучами утреннего солнца хорошо искалась земляника, которую юноша частично съедал, а часть собирал в кулек, свернутый из стандартного листа, завалявшегося в сумке с ноутбуком. Готовил запас в дорогу. Когда кулечек наполнился, это стало сигналом, что пора отправляться в путь.

Следы вчерашнего всадника долго искать не пришлось, и Сомов нашел даже больше, чем ожидал. Он нашел колею с примятой травой, местами вытоптанной до голой земли. Колея была старая и малоезженная, но какая-никакая, а это была дорога. А любая дорога, как известно, обязательно куда-нибудь выведет. Воспрянувший духом студент, закинул сумку с ноутбуком за спину, бодро зашагал по дороге и даже негромко запел себе под нос что-то жизнеутверждающее.

Не успел он съесть и половины запаса земляники, как далеко впереди показалось приближающееся облако пыли. Кто-то очень быстро двигался по тому же пути, что и Сомов. Витя облегченно выдохнул – ну вот и все, закончились его мучения. И он радостно заторопился навстречу своим спасителям.

В клубах пыли появились смутные силуэты. Сомов ожидал увидеть автомобиль, но оказалось, что это скачут во весь опор всадники. Это было несколько неожиданно, но какая разница, на чем они ехали, главное, что он встретил людей. За сотню метров всадники одновременно разошлись в стороны, охватывая студента полумесяцем, и это вдруг перестало Виктору нравиться. Кроме того, теперь стало заметно, что все они чернолицые. Негры? Откуда здесь негры, в полном изумлении Витя остановился и даже слегка попятился. Чернолицые всадники были вооружены короткими копьями, топорами, и другим явно боевым железом, рассмотреть, которое подробно не было времени. Они слаженно взяли Сомова в кольцо и осадили хрипящих взмыленных лошадей, обдав замершего студента пылью. Теперь Витя увидел их лица и ужаснулся – это были не люди! Черти! Все-таки я умер. Однако пробегая паническим взглядом по их безобразным мордам, Виктор скоро убедился, что на чертей всадники были похожи не очень, но явно кого-то напоминали. Самое близкое сравнение, которое приходило в голову – орки! Одно другого не лучше. Большеголовые, безбородые, с массивными надбровными дугами, выпирающими челюстями и огромными широкими носами, они скалились клыкастыми зубами и рассматривали юношу нехорошими оценивающими взглядами. Видимо, я сошел с ума, нашел единственное объяснение своим видениям Сомов. Если бы еще зеленый, а не темно-коричневый цвет кожи, то Виктор определенно признал бы во всадниках несуществующих в природе орков. Но эти, несомненно, существовали и гарцевали сейчас вокруг на крупных, под стать им самим лошадях. Разило неприятным резким запахом пота, то ли от лошадей, то ли от их наездников, а скорее всего и от тех и других вместе взятых. Всадники были одеты в темные кожаные штаны и жилеты, с накладными металлическими пластинами. Головы они прикрывали шапочками или шлемами, также сшитыми из кожи и обмотанными цветной материей наподобие чалмы. Один из орков смотрел на человека сквозь странные громоздкие очки, которые Виктор не сразу признал, а потом ахнул – да это же гогглы. Голова у него пошла кругом – негры, орки, боевые топоры, азиатские чалмы, гогглы, все это никак не связывалось вместе.

Насмотревшись на студента, владелец гогглов сдвинул их на лоб, словно рога и опять стал похож на черта. Обращаясь к своим соплеменникам, он что-то сказал на непонятном горланном языке и все дружно, почти по-человечески засмеялись. Один из наездников легонько потыкал Сомова кончиком копья, заставляя испуганно отступить, чем вызвал еще одну порцию дикого хохота. Виктору стало по-настоящему страшно. Встреченные им существа не были

людьми, и они не были дружелюбными. Предводитель с гогглами сделал отрывистый жест рукой, монстры прекратили веселье и замолчали. Наступила тишина и только лошади продолжали фыркать, переступать копытами и позвякивать сбруей. Орк наклонился в седле к Виктору и, расширив огромные ноздри шумно принялся. Затем выпрямился, произнес короткую фразу и вопросительно посмотрел на студента.

– Я не понимаю, – растеряно ответил Сомов.

Предводитель произнес несколько фраз медленнее, но все с той же вопросительной интонацией.

– Я не понимаю, – повторил Виктор и добавил: – Я русский. Студент. Летел на самолете в Сочи. Рейс сорок пять тридцать восемь. Попал в авиакатастрофу.

Его слова прозвучали достаточно нелепо в данной ситуации, среди существ, словно сошедших со страниц фэнтези. Главарь орков прислушался к чужой речи и коротко рыкнул. Незаметно для студента, находившийся позади орк ловко перехватил свое оружие и, встав на стременах, тупым концом копья с размахом ударил Виктора в затылок. Мир в глазах юноши мгновенно померк, ноги подкосились, и он безжизненно рухнул лицом вниз. Безвольные пальцы разжали бумажный кулечек, и красные бусинки земляники раскатились во все стороны по пыльной дороге.

Когда Сомов пришел в сознание, то не смог сдержать болезненный стон. Голова раскалывалась от боли, а руки и ноги были крепко стянуты грубой веревкой. Насколько позволяли связанные руки, он осторожно потрогал затылок и нащупал гигантскую гематому с корочкой запекшейся крови. На запястье, там, где раньше были часы, кожа была ободрана, на ногах отсутствовали кроссовки, и исчезла майка с изображением Эйнштейна. Из одежды на нем остались только старенькие застиранные джинсы. Меня избили и ограбили, понял Витя, дрожа от холода и страха за свою дальнейшую судьбу. Он затравленно огляделся.

В преддверии ночи его похитители устроили привал на берегу реки. Лошадей расседлали, и один из монстров увел их на водопой, а остальные расположились вокруг огромного костра, над которым жарилась на вертеле туша дикого кабана. Сам связанный Виктор лежал неподалеку у подножия огромного дерева среди толстых извивающихся как змеи корней. Сколько прошло времени? Зачем его связали и куда везут? Кто эти ужасные существа, с которыми он столкнулся? Неизвестность пугала сильнее всего. Все происходящее было каким-то ирреальным кошмарным сном, от которого хотелось проснуться. Сомов хоть и запоздало, но вынужден был признать, что место, в котором он оказался, не является его землей, как бы невероятно это не звучало. Может быть, теория о параллельных мирах была верна и сейчас он находится в одном из таких миров? Может быть этот мир населен не людьми, а оркоподобными существами? Подумал и ужаснулся – неужели здесь совсем нет людей? Виктор в отчаянии застонал. Господи, куда же это я попал?!

Орки, студент решил называть их так, рассматривали свою добычу, то есть вещи, отобранные у Виктора. По рукам долго ходили часы с разорванным браслетом и потому, как орки цокали языками и покачивали головами, часы вызывали у них восхищение. Один из орков достал кроссовок и под хохот окружающих приложил его к своей огромной лапе. Кроссовок ему был явно мал. Потом настал черед сумки с ноутбуком, которую вертели и так, и сяк, пытаясь понять, как же она открывается. Замки-молнии оркам явно были не знакомы и тогда, не мудрствуя лукаво, они пустили в ход нож, которым и вскрыли упругую сумку, как консервную банку. Извлеченный ноутбук произвел на монстров сильное впечатление. Корпус из пластика гладили грязными руками, ковыряли ногтями, нюхали и даже пробовали на вкус. Ноутбук вызвал ожесточенный спор, начинающий переходить в ругань, и главарь убрал предмет раздора, завернув его в шкуры. Остатки распотрошенной сумки интереса не вызвали и валялись у костра. В сумке было еще одно тонкое отделение, также закрытое на молнию, в котором находились документы Виктора и билет на самолет, но их орки не обнаружили.

Жареная туша кабана источала дразнящий аромат, говорящий о готовности и роняла шипящие капли жира в огонь. Не снимая жаркое с вертела, орки приступили к шумной трапезе. У всех оказались ножи, которыми они ловко обрезали горячие ломти мяса и с громким чавканьем пожирали. От культуры они были далеки, поэтому позволяли себе сыто рыгать и ковырялись пальцами в зубах. Глядя на них Виктору тоже захотелось и есть и пить, но когда кто-нибудь из орков поворачивался в его сторону, студент вздрагивал и съеживался под этим холодным взглядом. Насытившийся главарь, Витя его уже отличал от других, лениво поднялся, вразвалку подошел к пленнику и грузно присел рядом на корточки. Даже присев орк был огромен, наверное, в нем было не меньше двух метров роста и от него прямо-таки шибало запахом застарелого пота. Он взял студента за лицо жирными пальцами, повертел в стороны, рассматривая свозь окуляры гогглов, в которых монстр казался еще более зловещим, а затем потрогал волосы юноши. Наконец главарь закончил осмотр, привычно сдвинул гогглы на лоб и удовлетворенно засопел. Хотя Сомову было совершенно не по себе, но его обезвоженный организм требовал жидкости и это пересилило страх перед монстром.

– Пить, – попросил он и показал связанными руками на рот, – пить.

На этот раз человека поняли и даже снизошли до его просьбы. Другой орк, подчиняясь приказу главаря, принес флягу из тыквы, небрежно бросил ее рядом с Виктором и глянул на человека так, что стало понятно – для него, что воды подать, что ножом пырнуть было одно и то же. Внутри фляги оказалась свежая и холодная вода, показавшаяся необычайно вкусной для человека, который нормально не пил несколько дней. Утолив жажду, Витя почувствовал себя чуточку лучше. Мяса ему не предложили, а обращаться с просьбой еще раз юноша не посмел.

Вскоре орки уgomонились и стали устраиваться на ночлег вокруг костра. Негромко журчала вода в реке, изредка раздавался плеск невидимой рыбы, фыркали стреноженные кони и потрескивали, стреляя искрами дрова в костре. Эти, такие мирные звуки, перекрывались противным сопеньем и храпом засыпающих орков. Перед сном, один из последних бодрствующих монстров подбросил в костер дров, чтобы тепла хватило до утра, и туда же отправил и бесполезные, по его мнению, остатки сумки из неопрена. Свернувшись калачиком, студент отрешенно смотрел, как вместе с сумкой от ноутбука стораet в красном коптящем пламени паспорт гражданина Российской Федерации, Сомова Виктора Владимировича.

Глава 3. Добро пожаловать в рабство

В своей прошлой земной жизни Витя всегда хотел иметь татуировку, но никак не мог определиться, какую именно. Теперь она у него была. Индиговый косой крест и вязь иероглифов на левом плече. Татуировка означала, что он является рабом, на ней было указано имя хозяина, название местности и дата, когда было поставлено клеймо. Отныне Витя был раб. И у него был хозяин орк, которого звали Вендор Ихар. И первые слова на чужом языке «раб» и «хозяин» Сомов выучил глядя на свое клеймо. Но самое невероятное заключалось в том, что клеймо было магическое. Да, в мире, куда попал студент физического факультета, существовала сказочная магия, что явилось еще одним сокрушительным ударом по мировоззрению студента. Как она действует, Виктор не понимал, и объяснять ему никто не собирался. Но магия здесь была не такой, как это представляли в фэнтезийных книгах, фильмах и компьютерных играх на земле. Никто не кастовал фаерболы, не бил молниями и не произносил заклинания. Местная магия была напрямую связана с магическими амулетами, и не как иначе, но все же это была именно магия, непостижимая пугающая и никак не укладывающаяся в рациональную научную картину мира. Обладание магическими амулетами было уделом избранных, таких, как его хозяин орк Вендор, на котором всегда было надето несколько блестящих магических штук. Кроме персональных амулетов у хозяина в доме можно было увидеть и стационарные

магические предметы такие как, например, магические лампы. Оставалось только удивляться, глядя на магические светильники, как они сами по себе разгораются к вечеру и как светят без какого-либо внешнего источника энергии. Но поразительнее всего было то, что магический свет распространялся не далее пары десятков метров, а на большем расстоянии быстро тускнел и исчезал, словно его и не было вовсе. Фотоны себя так не ведут, но если это не фотоны то что?

От глиняного пола, потянуло холодом. Виктор заворочался на жалком подобии соломенной циновки, и подоткнул под себя грязную тряпку, которой укрывался. В бараке громко храпели и шумно пускали газы, но Сомов к этому давно привык. Притерпелся настолько, что почти не замечал противную вонь и неприличные звуки. Да и храпели к тому же люди, такие же товарищи по несчастью, как и он сам. Для юноши было немалым облегчением узнать, что мир, в который он попал, населен не только жуткими орками, но и обычными людьми. Жаль только, что их было совсем немного. Большая же часть рабов состояла из существ очень похожих на людей, но которые сами себя людьми не считали. Они гордо именовали себя «первейшими из первых», но учитывая, что все были рабами, звучало это скорее хвастливо, чем гордо. Их раса жила на севере и являлась непримиримым врагом орков. Сейчас между северным народом и орками действовало перемирие, что, впрочем, не мешало обеим сторонам совершать небольшие набеги друг на друга и захватывать пленников, обращая их в рабство. Внешне северяне отличались от людей тем, что были низкорослые, кряжистые, обильно волосатые и имели грубые туповатые лица. За повышенную волосатость, широкую кость и низкий рост Витя, не задумываясь, окрестил их гномами. Раз есть орки пусть будут и гномы. Всего у рабовладельца Вендора насчитывалось более сотни невольников – людей, гномов и даже один чем-то пропштафившийся орк, который сам, будучи рабом, считался старшим над остальными. Работали все с восхода и до захода солнца по принципу – раб должен или работать или спать. Объектов для работы хватало: коровники, свинарники, кошары, конюшня, птицеферма и бескрайние поля. К разведению сельскохозяйственных животных в хозяйстве Ихара подходили с особым вниманием, так как из всех видов пищи орки отдавали предпочтение мясу и ели его много. Однако, несмотря на регулярный убой скота, рабам мясо если и перепадало, то только в виде остатков на костях и сытым Виктор себя еще ни разу не чувствовал, а если говорить более точно, то юноша сильно голодал. Хотя и стыдно в этом признаваться, но за еду среди рабов иногда вспыхивали драки, в которых принял участие и студент. К его горькому разочарованию владение земными единоборствами мало чем помогло в таких потасовках и оказалось, что знание приемов не заменяет силы, с которой их нужно применять.

«Ты кушай студент, кушай, а то неизвестно, когда в следующий раз удастся нормально поесть». Эти пророческие слова разноглазого пассажира Витя вспоминал часто. Кто был тот человек, который заранее знал, что самолет не приземлится? Что за странный артефакт он дал Сомову перед катастрофой? Чего только не передумал Виктор по этому поводу и наконец, пришел к выводу, что его невероятный перенос из одного мира в другой без магии точно не обошелся. Следовательно, чтобы попасть домой, надо было отыскать этого мага с разными глазами. А если разноглазого мага здесь нет, и Сомов обречен, прожить в этом мире всю свою оставшуюся жизнь, то нужно попытаться найти в нем свое место. Найти себя и жить достойно, как подобает свободному человеку, а не влачить жалкое рабское существование. Значит, нужно было бежать при первой возможности, пока оставались хоть какие-то силы.

Стояли жаркие летние дни, и большинство рабов, вооружив деревянными и кожаными ведрами, погнали на орошение полей. Меланхолично таская воду, Сомов осматривался по сторонам и то, что он видел, казалось ему весьма подходящим местом для побега. Поля находились далеко от замка Вендора, не меньше часа пешим ходом, а это уже неплохая фора для беглеца и располагались они удачно к северу от замка, как раз в той стороне, куда и собирался бежать Виктор. К гномам, тьфу ты, то есть к людям, живущим на севере. Охрана рабов состо-

яла всего из одного единственного орка без лошади, да к тому же еще и ленивого, поскольку надсмотрщик весь день валялся на берегу реки в тени маленького домика без окон.

В этот домик, из трубы которого валили, смешиваясь, белый пар и черный дым, Сомов заглянул, вызвавшись занести мешок с углем. В помещении находился другой орк – механик и кочегар в одном лице, который обслуживал механизм для подачи воды в каналы. И этот механизм, хотя был и невелик, сразил Сомова наповал. Это был отлично сделанный паровой насос, отполированный бесконечным трением и блестящий от масла. Вращалось большое чугунное колесо, двигались вперед-назад поршни, поднимались и опускались десятки взаимосвязанных между собой рычагов. Все движения агрегата были неторопливые плавные под звуки шелкающих медных клапанов, скрипящего железа, фыркающего пара и гудения огня в топке. Никакой магии, только вода огонь и металл. Вот тебе и средневековье. Вот тебе и мир меча и магии.

На какое-то время, увиденное затмило даже мысли о побеге. Если в деревне есть подобные машины, то что же тогда можно увидеть в городе? Какая-никакая, но здесь все же имела цивилизация. Бежать! Надо срочно было бежать. Виктор окинул взглядом огромные поля, изрезанные каналами. Здесь было полно воды, которую можно взять в дорогу. В качестве сосуда сгодилось бы кожаное ведро, если его края плотно стянуть и перевязать. Недоставало только веревки для этого. Еще одной проблемой была дряхлая обувь раба. Впрочем, если добыть достаточно большой моток шпагата, то хватит и для ведра, и для разваливающихся старых сандалий. Все посадки не полить и за несколько дней, а значит, рабская мелиорация продолжится еще долго и время на поиски веревки у него есть.

Сомов настолько настроился на свободу и настолько наполнился жадой деятельности и энергией, что вечером впервые победил в драке за хорошую порцию еды. Он как зверь ринулся в толчею, освобождая себе пространство жесткими короткими ударами локтей в головы, и выхватил самый лучший кусок из чана. Вы у меня узнаете, что такое хиджи атэ, примитивные создания, разошелся студент, жадно вгрызаясь в кость с сочными остатками мяса и свирепо зыряка глазами, чтобы никто не приближался. Рабы поглядывали на Виктора с нескрываемым удивлением и опаской, а один гном все еще сидел возле чана и мотал головой с красным опухшим ухом, не понимая, как это он потерял сознание в такой важный момент, как раздача пищи.

К пострадавшему гному подошла пожилая целительница и осмотрела его ухо. Целительница Ийсма была самым уважаемым человеком среди рабов и обладала уникальной способностью излечивать от любых, даже самых безнадежных болезней. Она, как и все люди в замке Вендора была рабыней, хотя и пользовалась огромными привилегиями. В бараке невольников, у целительницы была своя комнатка с топчаном и нехитрой утварью, ее никогда не привлекали к общим работам, а днем она могла свободно выходить за пределы замка в поисках лечебных трав. А еще Ийсма была единственным человеком, кто доброжелательно общался с бывшим студентом, и даже понемногу учила его языку орков.

Целительница отпустила ухо гнома, не увидев опасности для его здоровья и посмотрев на Виктора строго сказала:

– Плохо, Сангин. Плохо.

Сомов согласно кивнул головой, но абсолютно без раскаяния и пошел следом за целительницей. Если Ийсма не слишком сердится, то возможно позволит ему побыть рядом с собой, а заодно и поучит оркскому языку. В комнатке у Ийсмы было хорошо, уютно и приятно пахло сухими травами. Юношу не прогнали, а вручили каменный пестик со ступкой, в котором твердые кусочки какого-то вещества, требовали доводки до состояния порошка.

– Не надо ухо, – сказала целительница и взялась пальцами за мочку своего уха, – Ухо, – повторила она.

Примерно так проходили все их уроки.

– Ухо, – послушно повторил студент незнакомое слово, стараясь его запомнить.

Разглядев пучок трав связанный веревкой, он показал пальцем на искомый предмет:

– Что?

– Веревка, – медленно, чуть ли не по слогам пояснила учительница.

– Веревка, – повторил за нею Виктор на оркском языке и попросил: – Веревка. Надо. Много.

Для объяснения причины, зачем ему понадобилась веревка, он показал на свои расплывающиеся сандалии. Ийсма порывшись в вещах, вытащила и протянула ему метровый кусок пеньковой веревки. Виктор приложил руку к сердцу, показывая, как он благодарен и повторил:

– Надо много.

С лица умной женщины сбежала улыбка, и оно стало обеспокоенным. Наверное, решительный вид Виктора сказал целительнице больше, чем дырявые сандалии. Она даже руку вскинула к губам, словно боялась произнести вслух то, о чем подумала.

– Не надо, – испуганно сказала она.

– Надо, – упрямо повторил Виктор.

Какое-то время Ийсма отрицательно качала головой и умоляюще смотрела на молодого человека. Она была убеждена, что шансов сбежать отсюда, нет. Однако Сомов не собирался отступать от поставленной цели и уже тихо, как бы извиняясь, повторил:

– Надо.

Ийсма молча и печально протянула ему весь моток веревки. Виктор также молча обмотал кончующую пеньковую веревку вокруг своего худого торса, пряча ее под бесформенным грубым рубищем со швами наружу. В порыве благодарности, он наклонился и поцеловал холодные руки доброй женщины.

– Глупый Вик, – погладила она его по голове, – Сангин.

Виктором Сомова никто не называл, потому что окончание имени на «ор» означало у орков принадлежность к знати и имя студента сократилось до Вика. Но почему-то и орки, и рабы чаще называли его Сангин, даже те, которых он видел в первый раз, словно его представили всем заочно. До этого вечера он не задумывался, почему именно так его называют, а тут вдруг разыгралось любопытство.

– Почему Сангин? – спросил он.

– Потому что ты сангин, – несколько недоуменно ответила целительница.

– А почему сангин?

– Не знаю, – пожала плечами женщина и начала говорить так много и так быстро, что оказалось безнадежным что-либо разобрать.

– Не понимаю, – вздохнул Сомов.

Тогда целительница достала потертый кожаный саквояж, где у нее хранилось самое ценное имущество, и минуту перебирала в нем какие-то предметы. Наконец, она выудила маленькое, меньше ладони, зеркальце с тусклой отслоившейся местами амальгамой и оправленное в медную позеленевшую от времени рамку. Зажгла огарок свечи магическим способом, похитрому щелкнув пальцами, и пододвинула свечу ближе к юноше.

– Смотреть.

Виктор взял зеркало. Свое отражение он не видел несколько месяцев. Сейчас на него глядел сильно исхудавший молодой человек с впалыми щеками, глубоко запавшими беспокойными и настороженными глазами, под которыми образовались огромные темные круги. Сомов с трудом узнавал самого себя. Словно панда какая-то, пришло на ум грустное сравнение. Виктор повернул зеркало выше и увидел свои волосы. Перекрывая дыхание, в горле встал ком, и заняло сердце – он был совершенно, абсолютно седой.

Глава 4. Попытки к бегству

Утром колонна понурых рабов, бредущих на работу столкнулась у ворот замка с веселыми орками. Хозяин и его родственники рассаживались по коляскам, собираясь отправиться в один из оркских городов. Из скудной информации об этом мире, Виктор уже знал, что от замка в одном дне пути верхом, находится портовый город Эсгабар, а еще в нескольких днях морем город Макабр – одноименная столица государства орков. Когда впервые он услышал это название, то даже не удивился, настолько это было символично. Макабр – танец смерти. Загребая пыль дырявыми сандалиями и низко кланяясь хозяину, Сомов с неприятным удивлением увидел знакомые белые кроссовки. В единственной в этом мире паре спортивной обуви щеголяла маленькая орчанка, дочь Вендора.

Однако вид украденных кроссовок ненадолго омрачил настроение студента, поскольку все складывалось на редкость благоприятно для побега. Хозяин уезжал, а с ним и большая часть орков, которых не будет несколько дней, а может и целую неделю. Лучшее время для побега вряд ли когда еще представится.

До полудня Витя, как и все рабы, трудился на поливе, особо не усердствуя и экономя силы, а после обеда, не то чтобы насытившего, но притупившего чувство голода, занялся приготовлениями. Уединившись от посторонних глаз в кустах, он снял с тела колючую веревку и пару минут с облегчением чесался. Потом перемотал, как смог тюбан, спасая голову от палящего солнца, и крепко стянул сандалии, надеясь, что пенька достаточно прочный материал и что теперь обувь выдержит многокилометровый забег. Туго завязал кожаное ведро с водой, чтобы не расплескалось, и пристроил его через плечо. Выглянул из кустов, оценивая обстановку. Орков поблизости не наблюдалось и лишь двое рабов, уныло сторбившись, плелись в его сторону.

– Ну, – выдохнул студент, пытаясь унять начавшуюся нервную дрожь, – Пора!

И рванул. Но не успел отбежать и ста метров, как услышал за спиной громкие крики:

– Сбежал! Сбежал!

Сомов вздрогнул и испугано обернулся. Его товарищи по несчастью, такие же рабы, как и он, бросив ведра и крича во все горло, неслись по полю к домику, где находился надсмотрщик орк. Такого предательства Сомов совершенно не ожидал. Злоба вспыхнула в нем и придала дополнительный импульс, заставляя непроизвольно ускориться. С самого начала все пошло не по плану. Форы, на которую он рассчитывал, теперь у него не было. Внутри поднялась легкая паника, но он продолжал бежать. Если успеет добраться до ближайшего леса, появится шанс на свободу. А если нет... Витя с ужасом представил, что будет, если его поймут орки. Адреналин забурлил в крови и погнал еще быстрее. Когда бежать становилось нелегко, Сомов переходил на быстрый шаг, а затем превозмогая себя снова на бег. Примерно через час такого выматывающего марафона, когда легкие уже просто разрывались от боли, юноша сделал короткий отдых. Надсадно хрипя, отдышался и трясущимися руками перевязал разболтавшиеся веревки на сандалиях. Расплескивая воду и захлебываясь вдоволь напился, окатил себя с ног до головы и выбросил ведро, которое сильно мешало при беге. Сейчас главное было уйти от погони, а о воде он подумает потом. С трудом поднялся на дрожащие ноги и опять побежал.

Преследователей пока не было видно и до спасительного леса, по прикидкам Виктора, оставалось не больше часа нормального бега. Вот только бежать сил уже совсем не осталось. Расстояния между передышками становились все короче, а время отдыха увеличивалось. А когда в очередной раз он упал на землю, пытаясь отдышаться и оглянулся, то увидел пыль, поднятую всадниками. Виктор закрыл глаза. Ну, вот и все. Отбегался. Минуту он лежал неподвижно, а затем последний взрыв энергии заставил его вновь прийти в движение. Сомов пригибаясь, добежал до небольшого кустарника и с разбегу нырнул в его заросли. Он забурлился между веток вниз к самым корням, чувствуя, как тело сдавливают часто растущие ветви кустарника и как стрелами впиваются в него обломанные сучья. Студент втянул голову в плечи, подтянул голые исцарапанные ноги и испуганно замер.

Вскоре поблизости послышался топот копыт, ржание лошадей, и раздался полный сарказма голос орка Геора одного из первых помощников хозяина:

– Перестань паясничать, Сангин. Вылезай, пока я тебя оттуда не выдул.

Дружный хохот орков показал, что шутка им понравилась. О чем шла речь, Витя не понял, но так он впервые познакомился с действием боевого магического амулета «воздушный удар». Раздался громкий хлопок воздуха и юношу в прямом смысле этого слова выдуло из кустарника. Кувыркаясь и ломая ветви, он пролетел несколько метров и упал, а тело его покрылось рваными ранами от сучьев и ссадинами от ударов о камни. На одежде раба появились быстро увеличивающиеся пятна крови, тут же припорошенные свежесорванными зелеными листья. Несколько раз, основательно приложившись головой о землю, Виктор потерял ориентацию в пространстве и таращил бессмысленные глаза, в которых расплывались, двоились силуэты приближающихся орков. Со всех сторон на раба посыпались страшные удары, и перед тем как он потерял сознание, мелькнула последняя мысль, что его, наверное, так и забьют до смерти.

Пришел в себя студент от ведра холодной воды, которое ему вылили на голову. Он успел понять, что сейчас ночь, а сам он висит с вывернутыми руками на позорном столбе в замке Вендора, после чего снова потерял сознание от невыносимой боли. Еще одно ведро воды привело его в чувство утром. Глазами, заплывшими от побоев, Виктор разглядел напротив себя огромную каменную статую языческого бога орков с черным блестящим жертвенником у подножья. Бог орков грозно взирал на человека, истекающего кровью и словно ожидал, когда несчастного раба отвяжут от позорного столба и перенесут к нему на жертвенник.

От боли и солнечных ударов Сомов постоянно впадал в забытие, но его приводили в чувство испытанным средством – холодной водой. Вечером около него, облепленного мухами и в собственных испражнениях, собрали всех невольников. Орк Геор произнес перед ними короткую речь, перемежающуюся карами для потенциальных беглецов и восхвалением послушных и покорных рабов. Невольники, видя перед собой жуткий пример, прониклись. Почему-то в памяти Сомова застряло выражение, где орк сравнил его, с лягушонком, пытающимся взобраться на вишню. Оратор будь он проклят.

Так Виктор провисел два дня, пока из города не вернулся Вендор Ихар. Хозяин бросил гневный взгляд на повинившегося раба и сразу огласил наказание – двадцать плетей. Исполнить наказание с нескрываемым удовольствием вызвался лично Геор и проявил себя отменным специалистом этого жестокого дела. Каждый удар плетью Виктор получал, находясь в сознании. Орк приводил человека в чувство, ждал, если это было необходимо, и только когда видел осмысленный взгляд раба, только тогда продолжал экзекуцию. На это зрелище собралось посмотреть много радостных орков, между которыми весело скакала и маленькая любопытная орчанка в белых кроссовках с алыми брызгами крови на них.

Боль, адская боль прожигала спину, сочилась раскаленной кровью и тяжелыми тягучими каплями падала в пыль. Боль пульсировала каждой клеточкой страдающего тела и превращалась в ненависть. Тело еще корчилось под ударами, стонало и вопило, но единственное, что чувствовал разум это была ненависть. Ненависть к Геору. Ненависть к хозяину. Ненависть к оркам. Ненависть к рабам. Ненависть ко всему этому миру. Ненависть застлала разум Сомова. И только вдруг увидев мамины глаза полные слез и смотрящие на него с горечью и состраданием, ненависть отступила. Потребовалось время на то, чтобы сообразить, что смотрит на него вовсе не мама, а целительница Ийсма. Витя попытался найти успокаивающие слова для этой доброй женщины, но почему-то не смог произнести ни звука. Тогда он просто ободряюще улыбнулся, и у него сразу же лопнула распухшая губа, а рот наполнился соленой кровью. Ийсма запричитала, засуежилась, осторожно вытерла кровь, напоила из ложечки крепким резко пахнущим настоем и приказала спать. И юноша послушно уснул, а когда проснулся, то рядом никого не было. Он попытался шевельнуться и опять не смог этого сделать. Его тело словно

одеревенело. Витя огляделся и увидел, что находится в комнате целительницы, а на его голой груди лежит магический амулет очень похожий на металлического тарантула, раскинувшего длинные суставчатые лапы.

– Здравствуй, Сангин, – появилась в дверях строгая и серьезная Ийсма, – Не отвечай мне, говорить у тебя все равно не получится. Это действие магического амулета, который снимает чувствительность. Благодаря ему ты не ощущаешь боли, но не можешь двигаться и разговаривать. Твои раны уже затянулись, и ты обязательно поправишься. Однако у тебя очень сильное истощение организма. Сейчас я приготовлю специальные корни и травы, которые помогут восстановить твои силы, а потом мы попробуем снять амулет.

Удивительно, но юноша, в общем и целом понял, смысл сказанного, поэтому согласно моргнул глазами и улыбнулся.

– Глупый Вик, – проворчала целительница.

Когда очередь дошла до продолжения лечения, и амулет оторвался от груди, то первое, что ощутил Сомов, это не способность двигаться, а адская боль, которая взорвала спину. Он подскочил, борясь с желанием схватить амулет и немедленно прижать его обратно к телу, но лишь стиснул зубы и крепко зажмурился. Целительница придержала Виктора холодными пальцами за плечи и обеспокоенно спросила:

– Очень больно?

– Терпимо, – сквозь зубы процедил Сомов.

– Я знаю, что больно, но тебе обязательно нужно поесть, – целительница подвинула глиняную миску с корешками и зеленью, – Ты сильный мальчик, ты справишься.

Пока Виктор медленно поглощал целебный салат, женщина легкими касаниями смазала ему спину волшебной мазью, приятно охладившей и снявшей большую часть боли.

– Отобрали твою веревку, Ийсма, – грустно пошутил юноша, – Опять сандалии рваные.

– Глупости говоришь, – отмахнулась целительница, не оценив юмора, – Ты еле живой остался. Сейчас о здоровье надо думать, а не о сандалиях.

– Не глупости. Нет. Веревку надо. Много. Скоро.

– Глупый, глупый Вик! – рассердившись, повысила голос целительница, – Ложись! Тебе надо амулет.

– Не надо амулет, – твердо возразил Виктор, который больше ничем не хотел стеснять славную женщину, – Я пойду к себе. Спасибо тебе, Ийсма. Спасибо за все.

Он низко поклонился, как кланялся только хозяину и, пошатываясь, вышел за дверь. Добравшись до своего места, осторожно опустился на четвереньки и с тихим стоном вытянулся на животе. В этот день Сомова еще не трогали, но уже наутро вместе с остальными погнали на работу. Раб должен работать. Благодаря целительнице боль в спине окончательно отпустила через неделю, оставив как напоминание о себе толстые уродливые шрамы. С рабами, что его выдали, Виктор разбираться не стал. Не было для этого сил. Предатели это знали, но все же обходили студента стороной, когда натывались на его прищуренный недобрый взгляд. Впрочем, Сомова сторонились и другие рабы. Он по-прежнему для всех оставался чужаком. Для всех, за исключением одного. Однажды к лежащему человеку подошел гном, уселся рядом и стал с любопытством на него смотреть. Виктор покосился на настырного гнома, кряхтя приподнялся и тоже сел на соломенной циновке. Гном смотрел долго и пристально, размышляя достоин ли человек того, чтобы вступать с ним в диалог, а затем снял свою рубаху и гордо повернулся волосатой спиной, которая была изуродована страшными шрамами. Можно было даже не и спрашивать, за что получено такое суровое наказание. Все было понятно без слов. Виктор одобритительно покачал головой, и руки рабов встретились в крепком рукопожатии.

– Хэк, – представился гном, на своем языке, – наследный принц дома Хоганов.

– Вик, – ответил Сомов на русском, – студент физического факультета.

Несмотря на то, что, кроме имен они ничего не поняли, оба заулыбались, и с этого момента началась их настоящая мужская дружба. Хэк был чуть старше Виктора, и у принца уже росла рыжая борода, которую он аккуратно подстригал, в отличие от своих соплеменников. Волосы он носил смешно забранные в пучок на макушке и заколотые палочкой, отчего немного напоминал самурая. В плен к оркам гном попал во время Большой кровавой войны. Была тут такая три года назад, когда все воевали со всеми. Молодой и неопытный, рвущийся стяжать славу в боях принц заработал лишь плен, после того как их армию разгромили орки, вооруженные многочисленными боевыми амулетами. Наследный принц это важная персона и Вендор, рассчитывал на нем прилично заработать, но родственники принца разочаровали и гнома и орка. Рассказывая об этом Хоган, приходил в ярость и брызгал слюной. Было понятно, что исчезновение одного из наследников только на руку оставшимся претендентам на трон, и они особо не торопились, а может, и вовсе не собирались выкупать своего родича. Единственный кому судьба молодого гнома была небезразлична, мог быть сам Король-отец, но он погиб в боях, предпочтя героическую смерть постыдному плену. Кто сейчас сидит на троне, принц не знал. Отцом он очень гордился, а на вопрос о матери лишь отмахнулся – кто будет слушать женщину, ее слово последнее. Когда Вендор устал ждать выкупа, гнома перевели к остальным рабам, стали привлекать к работам и дали ему презрительную кличку принц Мохнатый зад. А когда Хэк устал ждать выкупа, то решился на отчаянный побег.

– Поймали, – улыбнулся гном и выразительно почесал спину.

Хоган был один из немногих невольников, который имел постоянное место работы на конюшне. А проще говоря, принц работал конюхом. Неизвестно, как он договорился со старшим рабом и надсмотрщиками, но ему вдруг срочно понадобился в конюшню помощник и к нему «случайно» определили Виктора. Теперь большую часть времени новые приятели проводили вместе и когда между ними окончательно установились доверительные отношения, Хэк посвятил Сомова в свой план побега. Он считал, что сбежать отсюда можно только верхом на лошади используя преимущество в скорости, так как преследователям придется часто останавливаться, чтобы взять след. Именно поэтому гном перебрался на конюшню и даже приготовил для побега старую уздечку и нож с коротким, но острым лезвием. К сожалению, шанс прорваться сквозь ворота рабу на лошади был ничтожно мал и Хоган ждал счастливый случай уже больше года.

– Вместе, Сангин, вдвоем, – убежденно шептал гном, озвучивая новый скорректированный план побега, – мы сможем отобрать коня силой у зазевавшегося орка за воротами. Я видел, как ты дерешься, и вдвоем у нас точно сил хватит. Эх, мне бы боевой амулет или хотя бы меч я бы и один справился, – горестно вздыхал он.

Для Сомова явилось неприятным открытием то, что у орков, оказывается отличный нюх, не такой, конечно, как у собак (которых они давно поели), но специальные орки-следопыты вели поиск по запаху очень уверенно. План Хэка решал эту проблему, однако в нем была одна загвоздка. Витя абсолютно не представлял, как держаться на лошади, о чем с грустью и поведал гному.

– Ничего сложного в этом нет, – успокоил его принц, – Я научу. Время у нас есть.

Знакомство с лошадьми началось с чистки мест, где они содержались. Виктор таскал ведрами воду в поилки, охапками сено в ясли, следил, чтобы у каждого коня в деннике был доступ к соли, поил, кормил и чистил. Животные быстро признали Сомова и охотно принимали его заботу. Несмотря на размер и вес под пятьсот килограмм, в большинстве своем, они оказались смирными и миролюбивыми существами. Один лишь своенравный жеребец черной масти никак к себе не подпускал, прижимал уши, в деннике разворачивался задом, а при случае мог лягнуть или укусить.

Поскольку лошадям полагался овес, питание студента стало более калорийным, а вскоре оно и вовсе разнообразилось самым невероятным образом. Началось все с того, что однажды

вечером Витя увидел, как принц отправил в рот пойманного у них в комнате крупного таракана. На подобные повадки других гномов Сомов давно уже перестал обращать внимание, но от принца такого никак не ожидал. Вид брезгливости на лице человека не остался незамеченным.

– В чем дело?! – спросил, вскинувшись Хэк.

Парень он был гордый и горячий, даром что раб, и Сомов быстро сменил выражение лица. Не хватало еще поссориться из-за такого пустяка, как таракан.

– Прости, друг, я не хотел тебя обидеть. Мне просто необычно видеть то, что ты сейчас сделал. По моим традициям считается неприемлемым употреблять в пищу насекомых.

– Ах, вот в чем причина, – сразу успокоился гном и, развалившись на лежанке, принялся разглагольствовать: – Вы люди, погрязли в своих гастрономических заблуждениях. Мы гномы употребляем только здоровую пищу, и наша кухня лучшая в мире. Мы не какие-нибудь там альты или орки. Мы первейшие, самая древняя, самая культурная и самая огромная нация. Наши страны раскинулись от северных морей до дальних океанов на востоке. А у орков Макабр это единственное государство, которого коснулась цивилизация. Дальше на юг только дикие кочующие племена, которые живут под открытым небом, ходят без одежды и жрут всех, кого смогут поймать, в том числе и собственных соплеменников. Думаешь, цивилизованные орки Макабра далеко от них ушли? Тогда слушай. Был у меня слуга. Мы с ним вместе попали в плен. Очень старый гном. Я и держал-то его лишь потому, что их род поколениями служил нашему дому. Так вот, вывели орки несчастного старика за ворота и снесли ему голову. А тело порубили и съели, – тут принц слегка замялся, – Правда, некоторые злые языки утверждают, что вроде, как и не сами съели, а подлю накормили этим мясом рабов. Не знаю чему верить.

Гномы загомонили, да, мол, было дело, однажды мясом щедро накормили. Хэк замолчал и задумчиво погладил свой волосатый живот.

– Хороший был слуга, – двусмысленно произнес он.

И тут ему в голову пришла новая мысль:

– А может ты, Сангин, кровосос? Уж очень сильно ты похож на альта.

Опа! Сомов чуть ли не присвистнул от удивления. Кровосос? Неужели здесь обитают какие-то альты – вампиры? Вот это новость. Хотя, чему удивляться, рассудил он, если в этом мире существуют орки и гномы, то почему бы не быть и вампирам.

– Нет, друг, я не кровосос, – улыбнулся он Хэку.

– Тогда завтра, наловим кузнечиков и саранчи, – пригрозил ему Хоган, – Я научу тебя любить здоровую пищу!

Витя хотел было возразить, но тут опять зашумели, зачмокали губами гномы:

– Да, кузнечики – это да!

Но ни на другой день, ни на следующий, студент не смог преодолеть отвращение к поеданию насекомых. Однако гном был настойчив, а человек неизменно голоден и однажды привычка, сформированная поколениями европейцев о запрете на употребление насекомых в пищу сломалась. Оказалось, что это не так уж и противно, как ожидалось, если не акцентировать внимание на том, что ты жуешь. Стоило сделать первый шаг, как меню быстро и значительно расширилось и в него вошло практически все летающее, прыгающее и ползающее в округе. Личинок и жуков ели сразу, а земляных червей предварительно ополаскивали, чтобы песок не скрипел на зубах. Главное было тщательно пережевывать, а крылышки и хитиновые панцири удалять.

Божья коровка добралась до кончика пальца Сомова, расправила оранжевые крылышки и улетела. «Нельзя есть насекомых с яркой предупреждающей окраской. Запомни это, студент». Виктор запомнил, но теперь вспоминая слова разноглазого мага, он только злился. Если уж тот обладал даром предвидения, то почему прямо не сказал: «Парень, не садись в самолет. Не туда прилетишь». Встречу этого разноглазого, убью!

Закрыв ворота конюшни изнутри, гном вывел из денника самую смиренную гнедую кобылу с большими грустными глазами.

– Залазь, – скомандовал принц.

– Как же я залезу без седла? – опешил Сомов, когда не увидел не луки, чтобы ухватиться руками, не стремян, чтобы вставить ногу.

– Седло и не нужно, – отрезал гном, – Запомни, Сангин, седло это всего лишь снасть для того, чтобы удержаться на лошади, если ты ей не понравишься. Заслужи доверие лошади, и седло тебе не понадобится. А учиться чувствовать лошадь, двигаться вместе с ней, как одно целое, седло будет только мешать. Считай, что день тренировки без седла равен месяцу тренировок в седле. Залазь.

Сомов подошел к кобыле, похлопал ее по шее, погладил, прикинул так и сяк и понял, что взобраться на нее без посторонней помощи невозможно.

– Может, покажешь как? – ехидно предложил он гному.

– Смотри. Стал здесь, обе руки сюда, теперь с правой ноги – опа!

За одно мгновение, малорослый гном стремительно обернулся вокруг шеи лошади и оказался на ней верхом. Виктор не поверил своим глазам – быть такого не может!

После нескольких безуспешных попыток повторить фокус Хэка, а затем уже с помощью друга, подталкивающего снизу, Сомов кое-как вскарабкался на лошадь.

– Держи, – гном вручил Виктору поводья и пояснил: – Это снасть для управления, но запомни, что главное это воля и желание всадника.

Чтобы легче и быстрее разобраться с системой управления лошадью, Виктор представил себе аналогию с автомобилем. Поводья – это руль для поворотов и одновременно тормоз. Часть ноги от ступни до колена, прилегающая к боку лошади и называемая шенкелем – это педаль газа. Все выглядело довольно-таки просто. Но оказалось совсем не просто, когда он поехал, и выяснил, что лошадь реагирует на малейшие движения всего тела, рук, ног, положения корпуса и даже седалища.

Так вечерами Витя стал потихоньку прокатываться по конюшне от стены до ворот и обратно. Перебрал всех имеющихся в наличие животных, кроме норовистого жеребца и уже считал, что при необходимости сможет как-нибудь справиться с управлением лошадью. Однако гном был недоволен. Глядя, как Сомов запрыгивает на лошадь, недопрыгивает, а потом висит на одной ноге и рывками пытается забраться, Хэк подбадривал:

– Давай, давай, головастик, дергайся, но залезай.

А когда гному не нравилось, как человек держится на лошади, то даже негромко покривал:

– Поясницей работай! Ноги опусти свободно, спину выпрями, баланс держи. Куда плечи гнешь? Расслабь поясницу!

Виктор не имел возможности опробовать все способы движения лошади (в конюшне не разгонишься), и Хэк объяснял это на пальцах:

– Есть несколько видов аллюров, но тебе достаточно знать основные три: шаг, рысь и галоп.

Сомов не стал вникать в тонкости того как там движутся ноги лошади при разных аллюрах и запомнил лишь то, что при движении рысью отчетливо звучат четыре удара копытами, а при галопе слышны три удара. Карьер был тот же галоп, но очень быстрый, а самым медленным способом – шагом Виктор ездить уже умел.

Тренируясь с лошадьми Сомов заметно укрепил ноги и начал регулярно делать растяжку. Это позволяло не только легко запрыгнуть на лошадь, но и могло пригодиться в предстоящей драке с орком. Драки Виктор не боялся. Его уже давно не пугала внешность монстров, да и были они на самом деле не такие и рослые, какими показались ему при первой встрече. Может, те первые орки были отборными воинами, а может, у страха просто глаза велики, но

на поверку оказалось, что Сомов ничуть не ниже большинства орков и заметно превосходит по росту остальных людей, не говоря уже о гномах. Пробовал себя Виктор и в неизвестном ему ранее фехтовании. Иногда приятели брали палки от метел, и гном мутузил человека, как хотел. Даже палка в руках принца становилась грозным оружием.

Зимой было холодно, но снега не было. В конюшне температура не опускалась ниже десяти градусов, а полежать на теплой спине лошади было вообще верхом блаженства. Но обычно приятели забирались под крышу, на настил над денниками, где хранилось сено и, зарывшись в него, разговаривали. Сомов о себе больше помалкивал и свою историю начинал с момента, когда он очнулся от удара копьем по голове. Хэк же наоборот очень любил поболтать, особенно о себе любимом.

– Ну, принц, и что в этом особенного? В нашем доме двадцать принцев, не считая принцесс. А по всему Харсанту претендентов на трон вообще наберется больше сотни. Впрочем, и ты, Сангин, далеко не простолюдин. Достаточно посмотреть на твое ледяное лицо, чтобы в этом убедиться. Жаль, что ты не помнишь своего прошлого. Уверен, что когда мы отсюда вырвемся и разыщем твоих родителей, обязательно выяснится, что ты знатного рода.

Виктор гному не возражал, хотя точно знал, что в этом мире его родителей нет. А насчет ледяного лица ему говорила и Ийсма только другими словами, называя Виктора необычайно выдержанным и умело скрывающим свои чувства. Себя со стороны Сомов не видел уже давно, чтобы об этом судить, но он лицезрел окружающих и местные действительно никогда не прятали своих эмоций, а наоборот выставляли их напоказ. Поначалу студенту даже казалось, что все вокруг него кривляются, настолько все явно читалось на их лицах. Страдание, боль, удовольствие или радость аборигены выражали гипертрофированно, словно плохие актеры. Может быть, из-за отсутствия зеркал они просто не знали, как выглядят со стороны в отличие от Виктора, который часто видел свое отражение и как любой человек двадцать первого столетия с детства привык контролировать выражение своего лица. А может быть, слабое проявление эмоций было своего рода иммунитетом для людей информационного века, которые иначе оказались бы перегружены чувствами, от бесконечного потока шокирующих новостей, откровенных фильмов, душещипательных сериалов и жестоких компьютерных игр.

Снаружи по черепичной кровле монотонно стучал дождь, а внутри конюшни под крышей было тепло сухо и уютом пахло сеном.

– А хочешь, Сангин, я сделаю тебя министром, когда стану королем? – великодушно предложил размышлявший Хэк, – Будешь жить сытно, богато, собственных рабов заведешь. Женишься на одной из моих сестриц, получишь титул барона, правда, без права на трон. Сестры у меня знаешь какие красавицы, все глазастые, грудастые, волосатые.

– И что, сильно волосатые? Ну, ноги там, попа? – улыбнулся, подтрунивая над другом Виктор.

– Конечно, и не сомневайся! – заверил его гном, не замечая юмора, – Выберешь себе самую волосатую принцессу. Ее согласия мы даже спрашивать не будем, пожеланием вас по моему королевскому указу. А если пойдут дети, то они уже станут полноправными престолонаследниками по материнской линии. О чем тебе еще мечтать? Соглашайся. Между прочим, ваш великий император Марк тоже был наполовину гномом. И станешь ты, Вик, жить в лучшем городе мира – нашей столице Хиргосе. Знаешь, какой у нас огромный и красивый город! Дворцы самые роскошные! Храмы самые величественные! Есть такие древние храмы, что в те времена, когда их строили первые гномы, людей еще вовсе не существовало. Мы самая древняя раса и именно мы основали цивилизацию, а потом принесли ее остальным. Мы первейшие!

Этим же вечером, Сомов побеседовал перед сном с Ийсмой и разговор у них зашел о странах, населенных людьми и конечно о загадочном императоре Марке. Целительница рассказывала охотно и как всегда, часто прерывалась, чтобы объяснить Вику новое слово.

– Велик был император Марк. При его правлении было сделано столько хорошего, что не хватит и ночи, чтобы обо всем рассказать. Он первый император, который смог ограничить беспредельную власть магистров, сдерживающих развитие прогресса. При нем проложили первые паровые дороги по всей стране. В городах заработали новые заводы и фабрики. У людей появилась работа, улучшилось благосостояние, повысилась рождаемость. Беззаконникам перестали рубить головы и конечности, а построили специальные дома для перевоспитания рабочей. Была проведена повсеместная стандартизация. Представь, как до этого трудно приходилось нам лекарям. Вот, например, как измерить температуру больного, если существуют сотни градусников и каждый со своей шкалой и точкой отсчета. Причем некоторые градусники начинали отсчет именно от температуры подмышки человека, – Ийсма тихонько посмеялась и продолжила: – Но главное император смог объединить десятки разрозненных мелких государств в могучую единую империю, которая управлялась железной рукой и мудрой головой. Велик был император Марк. Пусть покоятся нетронутыми его кости.

– И что, все страны мирно объединились?

– Без сражений, конечно, не обошлось, но таких кровавых битв, которые были в последнюю войну, мудрый правитель избежал. А вот его Лучезарный наследник, которому слава отца не давала покоя, решил присоединить к империи последние два независимых государства людей и втянул весь мир в войну, которая осталась в истории как Большая кровавая и длилась пять лет. В итоге империя осталась империей только в названии. Теперь в мире шесть отдельных стран, населенных людьми, не считая десятков мелких самостоятельных герцогств. Мы утратили выходы к нескольким морям, потеряли часть территории на западе, юг захватили орки. А уж сколько жизней и судеб было загублено, никто не считал.

– А правда, что император Марк был полукровка, гном наполовину?

Виктор впервые увидел, как целительница громко расхохоталась.

– Ой, прости, не смогла удержаться. Тебе, наверное, об этом Хэк рассказал? – вытирая слезы, выступившие от смеха, спросила Ийсма и дипломатично ответила: – Лично я императора Марка не видела, но не думаю, что в его родословной были гномы. Кроме того, брачные связи между людьми и гномами запрещены. Не рождаются дети от таких браков, а если вдруг и рождаются, то потомства они уже точно не дают.

Ну и болтун, подумал о принце Вик.

Время шло и, наконец, дождливую сонную зиму, сменила солнечная и жизнерадостная весна. Человек и гном сидели за конюшней, подальше от глаз орков и грелись на солнышке. Хэк делился одним из своих секретов:

– Почему мой друг, Сангин, мы с тобой здесь, а остальные на полях? Потому, что я взятки даю. Старшему над рабами даю, надсмотрщикам даю, всем даю. Золота у меня нет, вот и пишу им расписки, что если вернусь домой в Хиргос, расплачусь. Расписки клятвенные, приходится и кровью мазать и палец ставить, потом не отвертеться.

– Не понимаю, – удивился Сомов, – Как же это орки за долгами к гномам поедут? Разве их там не убьют?

– Ну, кого-то может, и убьют, – добродушно согласился Хэк, – но мы же все-таки не дикари какие. Потом есть еще маги, купцы, послы всякие. Разве мага кто посмеет тронуть? Так что расписку мою пару раз перепродадут за полцены, а потом кто-нибудь заявит и предъявит к оплате. Точно предъявит, это как солнцу встать.

Беседу приятелей прервал зубогляд, как называли здесь орка ветеринара. Пришлось Виктору неохотно подниматься и вести отбракованных животных в кузню. Замена изношенных подков являлась его прямой обязанностью.

– Эй, кузнец, колесо для телеги есть? – заглянул в кузню озабоченный орк надсмотрщик, – На сухом ручье телега встала. Сломали колесо недотыки. Придется теперь кому-то туда

тащиться, – взгляд орка наткнулся на Виктора, – О! Раб. Ты чем занят? А ну-ка, хватай колесо, шагай за мной.

– Я лошадей привел, – попытался возразить Сомов, – Мне их еще обратно в конюшню вести.

– Без тебя отведут, – отрезал орк, – Хватай колесо.

Виктор с досадой пнул двухпудовое колесо, поставил его на ребро и покатил вслед за надсмотрщиком. У ворот замка их уже ждал матерый орк со свирепым выражением лица, по одежде и оружию которого было понятно, что это воин.

– Ты чего одного привел?! – сразу насел он на надсмотрщика, – Там телега доверху углем набита, мне что, ждать пока он ее до ночи разгружать будет?

– Так нет никого больше. Все рабы сейчас в поле, – обижено засопел надсмотрщик и попытался убедить злого воина: – Зато этот выносливый. Смотри, какой высокий. Такой и один справится.

– На конюшне есть раб, – быстро вставил фразу Витя.

Но тут же получил удар кулаком в солнечное сплетение и упал на колени, держась руками за живот и хватая ртом воздух.

– Тебе кто позволил пасть открывать, раб? – взревел воин, – Давно плетей не получал? Встал быстро! Бегом за вторым!

Гном лежал на лавочке, и бездельничал, когда к нему подбежал запыхавшийся Сомов.

– Хэк, нас с тобой на разгрузку требуют. На ручье телега застряла груженная углем, не иначе как две лошади ее тащат, – выпалил он с ходу.

Хоган медленно сел. Он некоторое время непонимающе смотрел на Виктора, а потом сорвался и помчался в сбруйную, где находился тайник. И уже через пять минут приятели стояли у ворот замка.

– А, принц Мохнатый зад, – узнав гнома, презрительно хохотнул воин и грузно взобрался на лошадь, – Взяли колесо бездельники и живо вперед!

Охрана подняла ржавую скрипучую решетку и по пыльной дороге троица затрусила к сухому ручью, до которого было километров пять. Злобный орк непрерывно подгонял рабов и не позволял им даже рта раскрыть, но взгляды друзей полные решимости говорили сами за себя. У приятелей был только общий план – напасть на орка и завладеть его конем, однако теперь Витя начал сомневаться, что с этим свирепым орком они справятся даже вдвоем. И совсем худо было то, что впереди вместе с телегой их ждал еще один орк. Нет, к телеге идти нельзя, размышлял Виктор, нападать нужно сейчас. Видимо те же мысли посетили и гнома, поскольку в его глазах начало нарастать беспокойство. Но опытный орк не оставлял рабам не единого шанса. Грамотно держался сзади на расстоянии, с лошади не слезал и постоянно криком подгонял рабов вперед. Когда показался сухой ручей и застрявшая в нем телега с грузом Виктор упал духом. А когда разглядел, что рядом с телегой не один орк, а целых два, то окончательно сник. Правда, один из орков был простым работником и без оружия, но это уже ничего не меняло. План побега с треском провалился.

Рабы остановились и бросили колесо на землю. Надо было малость передохнуть, но неугомонный Хэк сразу же полез к телеге.

– Ну, что там с колесом? – деловито спросил он, вклиниваясь между орками.

– Налетели на камень, раскололи обод, – Орк с мечом наклонился, показывая рукой под днище и вдруг удивленно воскликнул: – Ах ты!

Витя не понял, что произошло, он еще и отдышаться-то толком не успел, а события уже развивались в бешеном темпе. Оба орка резво отпрыгнули в разные стороны, а в другую сторону еще проворнее отскочил гном. В одной руке у него был знакомый огрызок ножа, а в другой ловко срезанные с пояса орка кожаные ножны вместе с мечом. Через мгновение Хэк уже выхватил меч из ножен, крутанул им пару раз, оценивая вес и балансировку, и принял боевую

позу. Меч и нож он держал перед собой направленными вверх под углом в сорок пять градусов, передняя нога полусогнута, задняя далеко отставлена назад, рыжая борода топорщится. Гном был готов к битве и вид имел самый что ни на есть воинственный. Работяга орк предусмотрительно отбежал подальше, а орк, оставшийся без меча, вытащил нож, но рисковать не стал и спрятался за телегой.

– Эй, Мохнатый зад, – подал голос воин на лошади и нарочито медленно потащил свой меч из ножен, издавая крайне неприятный звук шелестящего металла, от которого у Вити мурашки пошли по коже, – ты решил сегодня сдохнуть? Бросай оружие, раб, или клянусь богом, через минуту ты будешь ползать в пыли собирая свои кишки полные дерьма. Все слышали? Я предупредил раба о смерти.

Последние две фразы предназначались оркам. Чтобы убить чужого раба, собственность другого орка, а тем более Вендора, нужны были очень веские причины.

А Витя все еще стоял у брошенного колеса, тяжело дышал открытым ртом и не понимал, что нужно делать в этой ситуации. Гном прошагал мимо него, направляясь к всаднику, и коротко бросил на ходу:

– Сангин, твой у телеги!

Получив руководство к действию Сомов переключил все внимание на орка с ножом, а за его спиной уже яростно заорал гном, заржала лошадь и зазвенели частые удары мечей.

Его орк выбрался из-за телеги и крадучись стал приближаться, но двигался он вовсе не к Виктору, а заходил в тыл гному. Студента орк вообще игнорировал. Виктор лихорадочно огляделся в поисках палки или хотя бы камня, но поблизости ничего подходящего не было, даже песка, чтобы швырнуть его в глаза противнику. Тогда он просто преградил путь орку и, принимая боевую стойку, напрягся и резко вытолкнул из себя воздух. Звук получился устрашающий. Орк остановился и с удивлением посмотрел на Сомова. «Шанс против ножа есть только тогда, когда его вынимают, чтобы поугаждать. А если нож достали, чтобы убивать, то шансов практически нет», вспомнил Витя слова своего тренера по каратэ. Господи, какую авантюру мы затеяли, ужаснулся он. Орк с ножом некоторое время стоял, слегка озадаченный выкриком и необычной позой человека, преградившего ему путь, а потом уверенно пошел на Сомова. Виктор с яростным криком «Киай!» взмахнул перед ним ногой, демонстрируя прием мавашигери, но не всерьез, а так для острастки, лишь бы тот не приближался. Орк чуть помедлил, оценивая возможности удара ногой, а затем снова пошел вперед. Теперь Сомов начал отступать. Он уходил с линии атаки, пытался контратаковать по ногам и страшно кричал. Но не прошло и десяти секунд, как орк в него попал. Виктор отскочил и остановился, припадая на одну ногу, и ощущая, как в правом сандалии захлупала кровь. Это был конец. Быстро двигаться Сомов больше не мог, а из-за потери крови у него скоро вообще не останется сил. Понял это и орк, который злорадно оскалился и, наслаждаясь моментом, уже нагло и не спеша двинулся к раненному рабу.

Выбора не было, и Виктор решился на отчаянный шаг – вложиться в один единственный удар, в надежде, что ему повезет. Он в свое время неплохо выполнял прием ура мавашигери, удар пяткой с разворотом. Сила этого удара была огромной, но главное его достоинство заключалось в том, что удар являлся коварным и неожиданным для противника. Был, конечно, и риск – удар нужно было наносить, находясь очень близко к противнику и, что хуже всего, выполняя разворот повернуться спиной. Если прием не удастся, то нож в спине ему гарантирован. Но студент уже ничем не рисковал, его и так собирались зарезать, как курицу. Ну, собрался Сомов, один удар – одна смерть! Он на мгновение повернулся к орку спиной и крутанулся на здоровой ноге. Другая нога описала стремительно восходящую дугу, и пятка с треском ударила орка прямо в висок. Какое-то время орк продолжал еще стоять, с ножом, уже занесенным для удара. А затем медленно, словно подрубленное дерево безжизненно рухнул на спину.

Виктора охватило иступленное ликование – он его сделал! Сделал!!! Сомов дохромал до отлетевшего в сторону ножа, схватил его и обернулся посмотреть, как там дела у Хэка. Гном налегал на своего уже ставшего пешим противника, а тот лишь отбивался и надсадно хрипел. Наконец удачный выпад гнома заставил орка покачнуться и бессильно опустить меч. Хэк не останавливаясь, нанес еще два удара, каждый из которых был явно смертельным и третьим взмахом отрубил орку голову. Зрелище совершенно кошмарное для неподготовленного человека и Виктора прямо тут же чуть не стошнило. Он, содрогнулся и отвернулся, борясь с сильнейшими позывами рвоты.

– Вик! Друг мой! – воскликнул принц и радостно обнял дрожащего Сомова за плечи, – Не ожидал увидеть тебя живым.

– Честно говоря, я тебя тоже, друг, – нашел силы улыбнуться в ответ Виктор.

Оба тяжело дышали, оба были в крови, и в глазах обоих плескалось безумие.

– Надо и остальных кончать, – деловито сказал гном, оглядываясь в поисках живых орков.

– Не надо, – тихо возразил Вик, которого все еще мутило, – давай их просто свяжем.

Пусть живут.

Он до сих пор не отошел от жуткой смерти орка, оказавшей на него крайне тягостное впечатление.

– Ты добр, мой друг, – удивился гном, – но однажды ты поймешь, что жалость к врагу не есть достоинство.

Орк, лежащий на земле, зашевелился, и гном походя ударил его мечом плашмя по голове, снова лишив признаков жизни.

– Эй, ты! – крикнул он работяге орку, прятавшемуся за телегой, и торжественно произнес: – Подойди сюда. Мой друг Вик великодушно дарит тебе жизнь.

Орк трусливо показался из-за телеги, не очень-то доверяя словам гнома, который внушал ему благоговейный ужас, и стал боком, словно краб приближаться. Однако, трусливый орк это что-то.

– На колени! – приказал принц, – Благодарю моего друга и помни, кому ты обязан своей никчемной жизнью.

– Благодарю, господин Вик, покорно благодарю.

Жизнь переменчивая штука, изумленно думал Виктор, разглядывая униженного ползающего в пыли орка, еще пять минут назад я был раб и вот меня уже величают господином.

– Однако нам следует поторопиться, – озаботился гном и от души пнул орка ногой под зад, – Вставай, раб, тащи воды или вина, а если есть и то и другое. Найди веревки и собери всех лошадей. Да пошевеливайся, пока мой друг не передумал оставлять тебя в живых, – и добавил пониженным угрожающим тоном: – Или пока не передумал я.

Последние слова так подстегнули орка, что он бегом бросился выполнять указания гнома.

Промыли и перевязали раны, оказавшиеся не слишком глубокими и опасными. Связали оставшихся в живых орков, забрали у них все, что могло пригодиться в дороге и на трех лошадях без оглядки поскакали на север.

До самой ночи беглецы не слезали с лошадей, пытаясь уйти как можно дальше и гадая, как скоро спохватятся орки и вышлют погоню. Скакали рысью, временами переходили на шаг, давая лошадям возможность немного отдохнуть, и снова уходили рысью, а на ровных участках иногда ненадолго пускались галопом. Ветер свободы пьянил, туго бил в лицо, развивал волосы, и приятели орали от счастья и восторга. Виктор первый раз скакал на лошади так быстро. И хотя заставить тягловых животных перейти в галоп оказалось непросто, да и скорость они развивали небольшую, но зато и веса всадника почти не замечали. Проблем с управлением лошадью у Сомова не возникло, но когда он с нее слез, то сразу же лег. Болело все тело от поясницы и ниже, а особенно сильно раненная нога.

Гном был уверен, что погоня есть, но еще очень далеко и рискнул развести огонь. Он сложил дрова и, разжигая костер, щелкнул пальцами, как это делала целительница.

– Хэк, – пораженный Виктор даже приподнялся на локте, – ты тоже маг?!

Гном засмеялся.

– Если ты спрашиваешь, про огонь, так это почти каждый ребенок умеет, это же азы магии. А я все-таки принц и получил не только королевское воспитание, но и разностороннее образование, которое включало и основы магии. Однако быть магом без амулетов невозможно – темной энергии, накопленной за день, хватит только на одну такую слабенькую вспышку.

Сомов смотрел на Хэка, который в свете костра рвал зубами жареное мясо, и вдруг ему показалась очень знакомой эта картина, словно он уже видел нечто подобное ранее. Видел где-то человека с очень похожим лицом и точно так же сидящего на корточках у огня. И он вспомнил где. В Санкт-Петербурге, в музее восковых фигур, среди экспозиции было несколько реконструкций первобытных людей, сидящих вокруг примитивного очага, и одна из фигур могла бы быть родным братом принца Хогана настолько они были похожи. Пелена фэнтези спала с глаз Сомова. Как же я раньше этого не замечал, удивился Виктор, покатый лоб, надбровные дуги, скошенный подбородок, это же так очевидно.

– Хэк, а ведь ты не гном, – произнес обалдевший от сделанного открытия студент, – Ты – неандерталец.

Принц вытер жирные губы ладонью, а ладони об одежду и задумался, пытаясь понять смысл сказанного.

– Сангин, ты знаешь много незнакомых и удивительных слов, но это слово мне кажется бранным. Уж не хочешь ли ты меня обидеть, друг Вик?

– Нет, Хэк, конечно, нет, – заулыбался Виктор, – Но теперь я полностью согласен с тем, что гномы самая древнейшая раса на земле. Вы воистину первейшие.

– Ты сомневался в моих словах? – заиграл бровями гном, – Да мы самая честная раса в мире! Запомни это и никогда больше не сомневайся. А сейчас спи. И пусть тебе приснятся мои красавицы сестры.

Второй день непрерывной скачки выдался совершенно изматывающим. Устали и люди и лошади, приходилось даже останавливаться, чтобы совсем не загнать бедных лошадок. Сомов поражался послушным животным, которые повинаясь человеку, готовы были бежать вплоть до самой своей смерти. Под вечер у маленькой речки сделали привал и уже не разжигали огонь – боялись себя обнаружить. Гном нервничал и переживал, что из-за слишком медленных тягловых лошадей они прошли не такой большой путь, как рассчитывали. Хоган часто вскакивал и подолгу смотрел в ту сторону, откуда они прискакали.

В очередной раз, всматриваясь вдаль Хэк, вдруг разразился гневной бранью на своем родном языке и даже забегал, сжимая кулаки и со злостью пиная траву. А потом как-то внезапно сник и замолчал. Он подошел к поклаже, снятой с лошадей и вытащил меч. Размахнувшись, глубоко всадил клинок в сырую землю, сел перед ним подобрав под себя ноги, словно буддийский монах и замер. На вопросы гном долго не отвечал, а потом поднял голову, и Сомов увидел его глаза полные тоски и печали.

– Все кончено, мой друг. Нам остался всего один день, чтобы добраться до границ Харсанта, но мы не успеем. Позади нас дым. Всего в трех часах быстрой езды. Это орки, больше некому. Сейчас они встали на ночевку, но завтра к полудню нас догонят, – гном провел ладонью по лезвию меча, будто погладил, – И завтра принц Хэк Хоган примет свой последний бой в этой жизни. И умрет принцем, но не рабом.

– Я с тобой, друг Хэк, – сказал Виктор.

Сказал твердо и уверенно, но на самом деле ему было страшно. Их путь к свободе превратился в нескончаемую схватку со смертью. Сердце Сомова колотилось чаще обычного, и предательски потели ладони. Сильно прихрамывая, он сходил за вторым мечом, сел рядом с

гномом и положил горячие руки на холодную успокаивающую сталь. Хоган, глядя на эти приготовления неодобрительно покачал головой.

– У меня нет выбора, Сангин. Я убил орка, а значит, в любом случае меня ожидает смерть, и я хочу ее принять, как полагается принцу и воину – в бою. А у тебя есть все шансы, чтобы остаться в живых. Вендор из жадности не станет убивать своего раба. Ведь даже наказывая, Ихар увечит только спину, чтобы не испортить внешний вид товара, который может быть удасться еще выгодно продать. Но на меня это правило больше не распространяется, и я этому только рад.

– Хэк, мы вместе это начали и вместе это закончим. Мы примем завтра бой, сражаясь плечом к плечу. И это не обсуждается, принц Хоган, – добавил Вик, заметив, что гном собирается возразить.

Больше они ни о чем не говорили и каждый молча думал о своем глядя в бесконечное звездное небо. Виктор долго не мог уснуть, а как уснул, так почти сразу же и проснулся от тихих осторожных звуков. Было еще совсем темно, но гном уже поднялся и, стараясь не шуметь, тайком седлал лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.